

ЕЛЕНА РУВИНСКАЯ

ЗУВЕРНАНТКА

Annotation

Забавно иметь в подругах полную тезку, с которой у тебя совпадают имя, отчество и фамилия. Но никак не ожидала Татьяна Смирнова, что эти совпадения однажды совершенно изменят её спокойную и размеренную жизнь. А ведь она всего лишь на две недели подменила подругу на должности гувернантки в богатой семье.

— Приветствую вас, господа первокурсники, в стенах нашего учебного заведения! — после этих слов в аудитории немедленно воцарилась тишина. — Меня зовут Зоя Петровна. Я буду вести в вашей группе психологию. А теперь я хотела бы познакомиться с каждым. Читаю по журналу фамилии, названных прошу вставать для всеобщего обозрения. Как я понимаю, вы еще не все знакомы друг с другом.

При этом Зоя Петровна обвела взглядом аудиторию поверх стильных очков. Уж я-то точно не была знакома ни с кем из моей группы, потому что не сдавала вступительных экзаменов. Золотая медаль за успешное окончание школы и победы на нескольких городских олимпиадах позволили мне выбрать высшее учебное заведение и просто подать туда документы. После этого я уже автоматически считалась зачисленной на первый курс.

Итак, Зоя Петровна зачитывала фамилии по алфавиту, а ребята и девчонки вставали, чтобы не только сокурсники, но и преподаватель запомнили их имена и лица. Наконец пришла и моя очередь.

— Смирнова Татьяна! — выкликнула Зоя Петровна.

Я поднялась, улыбнулась и собралась снова сесть, но тут в аудитории раздался смех. Краска сразу же залила мое лицо. Не в моем характере терпеть насмешки в новом коллективе, поэтому не мешало бы сразу расставить все по своим местам. Я повернулась, ища глазами наглецов, и увидела, что смеются не только надо мной. Двумя рядами дальше стояла девушка и растерянно оглядывалась.

— В чем дело, чего такого смешного? Я назвала Смирнову Татьяну! — Зоя Петровна строго смотрела поверх очков.

На мой заинтересованный взгляд девушка недоуменно пожала плечами. И тут я начала кое-что понимать, а Зоя Петровна, посмотрев еще раз в журнал, покачала головой.

— Ну, девочки, поздравляю! Весело вам будет учиться. У вас, кстати, и отчества одинаковые.

Тут дошло уже и до самых тупых и теперь смеялись все, включая нас с Танюшей. Вот так и началась дружба абсолютных тезок. Друзья называли нас по-разному — меня Таня или Татьяна, а ее исключительно Танюша. Она действительно была гораздо мягче и спокойней меня. Преподаватели же присвоили нам порядковые номера — я в журнале была Смирнова первая, а Танюша была Смирнова вторая.

Сейчас все это уже в прошлом. Мы с Танюшей благополучно закончили любимый Педагогический институт и работали теперь в разных местах. Я осталась преподавать на кафедре психологии под чутким руководством Зои Петровны Завражной, а Танюша решила попробовать свои силы в школе (Бог ей в помощь). Мы продолжали дружить, часто встречались и перезванивались, до сих пор оставаясь абсолютными тезками, несмотря на наши двадцать шесть лет.

Но этой осенью Танюша кажется все-таки поменяет фамилию. Толя Морозов, с которым она познакомилась на модной фотовыставке, был старше моей подруги на три года и характеризовался как удачливый бизнесмен. Его фирма как раз была главным спонсором фотовыставки.

За год знакомства Танюша смогла-таки влюбиться в Анатолия, но вела себя очень нерешительно. Он же, напротив, проявил настойчивость и строго заявил, что самое лучшее

время для свадеб — это осень. Я его полностью поддерживала и мы активно обрабатывали Танюшу с двух сторон. Подруга уже начала сдавать позиции, но в одном была непреклонна. За два отпускных летних месяца она твердо решила подзаработать денег. Понятно, что не на свадьбу, но хотя бы на красивое свадебное нижнее белье и белые ажурные колготки. Ужасно дорогие, между прочим. Она приглядела их в престижном бутике.

При всей своей мягкости Танюша, оказывается, могла быть до неприличия упрямой, что теперь нам и продемонстрировала. Мы с Толиком устроили тайное совещание, на котором решили, что если уж переспорить упряму не удастся, то пусть себе подрабатывает. Но подработка подработке — рознь. Не может же педагог с высшим образованием, будущая жена преуспевающего бизнесмена мыть подъезды или принимать бутылки на улице! Толя спрашивал в своих кругах и узнал, что один молодой и очень предприимчивый коммерсант ищет для своего десятилетнего сына гувернантку — образованную порядочную женщину. Вся прелесть заключалась в том, что жена и сын коммерсанта будут до конца лета жить за городом в коттедже. К тому же мальчика не нужно было ничему обучать, так как родители считали, что учеба в элитной школе итак отняла у ребенка все силы. Гувернантка должна лишь выполнять роль воспитателя, отдыхая вместе с мальчиком на всем готовом. Оплата подобного «изнурительного» труда была очень даже не хилая. Опасаясь, что упрямая невеста может отказаться от столь выгодного, во всех отношениях, места, мы приняли в наше с Толиком тайное общество Танюшину двоюродную бабушку. Ия Николаевна являлась младшей сестрой Таниной родной бабушки. Ну очень младшей! Их разница в возрасте составляла восемнадцать лет. Тем не менее в семье Ия Николаевна пользовалась непререкаемым авторитетом. Она с удовольствием согласилась нам подыграть и уговорила внучатую племянницу встретиться с отцом мальчика — Головановым Олегом Константиновичем.

Встреча прошла в дружественной обстановке, хозяйину Танюша понравилась и они назначили день в конце июня, когда новоиспеченная гувернантка должна была явиться в загородный дом четы Головановых. Также они не забыли составить договор по всей форме, заверенный у нотариуса. Дело сладилось к всеобщему удовольствию.

Была пятница — день для меня особенный по нескольким причинам. Во-первых, с понедельника начинался мой отпуск. Ехать отдыхать я пока никуда не собиралась, но спать подольше и лениться запланировала всерьез. Во-вторых, с того же понедельника Танюша должна была уже заступить на гувернантскую вахту. По этому поводу я, Толик и Танюша как раз сегодня вечером идем в ресторан. Пригласил нас, естественно, Толя.

Обожаю рестораны! Ничего не могу с собой поделаться, каждый раз радуюсь как ребенок. Для меня самое главное в посещении ресторана — это еда. Музыка мне мешает, громкая музыка — просто раздражает, официанты смущают и отвлекают. Но еда — это что-то. Я не люблю те рестораны, где кормят по-домашнему. Для меня это значит — непрофессионально. Ресторанные блюда должны поражать воображение оригинальным оформлением и необычным вкусом. Они должны быть загадкой, которую не терпится разгадать. Именно это ожидало нас сегодня вечером. Вкус Анатолия был достоин похвалы — он выбрал отличный ресторан.

Парочка заехала за мной в семь вечера на такси. Настроение у всех было замечательное и мы в машине так развеселились, что хмурый пожилой таксист позволил себе пару раз ухмыльнуться в седые усы. Устроившись за столиком, мы продолжали смеяться и подтрунивать друг над другом. Шампанское, которое решили выпить для разогрева, еще

больше подняло настроение. Заиграла музыка и я позволила себе потанцевать на возвышении в центре зала. После шампанского мы перешли на мартини, а Толя заказал себе коньяк. Мы все заметно отяжелели и, чтобы размяться перед десертом Танюша с Толей решились на медленный танец.

Я с интересом наблюдала, как Толик неуклюже взбирался на танцпол и галантно втаскивал туда партнершу. Это было смешно. Они обнялись и закачались в ритме музыки, поддерживая друг друга. И тут я вижу, как высокий каблук Танюшиных туфель подворачивается и ее нога подгибается в щиколотке почти под прямым углом. Я еще успеваю подумать, что это должно быть очень больно, как меня выводит из хмельного оцепенения крик подруги. Она уже сидит на полу, а растерянный Толя бестолково суетится возле, задавая ей глупые вопросы. Я моментально трезвею и бросаюсь к площадке. Танюшкина нога неестественно подвернута и припухла в щиколотке. Если это даже всего лишь вывих, то достаточно серьезный.

— Толя, давай машину к подъезду — едем в травмпункт! — скомандовала я, отмахиваясь от назойливого метрдотеля, который топтался рядом и причитал на тему того, что вины заведения тут нет.

В травмпункте, увидев наши вечерние наряды, стали активно интересоваться количеством спиртного, выпитого потерпевшей. Когда я сказала, куда они могут засунуть больничный лист, памятуя о том, что Анатолий обещал после свадьбы посадить жену дома и не позволять ей работать, хирурги успокоились и занялись травмированной ногой. Диагноз оказался не из приятных. Разрыв связок, требующий наложения гипса. Танюша стойко перенесла все процедуры и мы с Толей привезли ее домой на очередном такси. Оставив пострадавшую в нежных и заботливых руках жениха, я уехала к себе и тут же завалилась спать.

Пробуждение было не из приятных. Голова болела, во рту противно пересохло и не оставляло смутное ощущение, что не все в порядке вообще. Наконец я вспомнила наши вчерашние приключения и набрала Танюшин номер. Трубку снял Толя.

— Привет, ты что не уходил совсем? — удивилась я.

— Уходил, но с самого утра снова здесь.

— Как там наша больная?

— Да так-то ничего, нога болит не сильно, только вот извелась вся.

— А что такое?

— Как что?! Забыла, где она должна быть в понедельник?

— О, черт! — я даже подпрыгнула. — Что же теперь делать?

— Есть у нас с Танюшей одна мысль. Подъезжай, посоветуемся. — нерешительно предложил Толя.

— Ждите, скоро буду. — бодро сказала я, всегда готовая помочь друзьям.

В квартире меня встретила Танина бабушка и со вздохом указала на дверь спальни. Когда я появилась в комнате пострадавшей, Толя с Танюшей были мрачнее тучи. Увидев меня, они оживились и как-то по-особенному переглянулись. Толик вскочил и пододвинул мне кресло. Он, конечно же, галантный кавалер, но не настолько, чтобы таскать без особой нужды тяжелое кресло по комнате. У меня появилось нехорошее предчувствие. Как оказалось впоследствии — оно меня не обмануло.

Эти два голубка удумали такое, что у меня челюсть отпала. А всему виной опять же абсолютное совпадение наших с Танюшей фамилий и имен. В общем, они попросили меня

подменить Татьяну на посту гувернантки

— Недели на две, не больше. Хозяин не против, я уже с ним переговорил. — тараторил Толя. — Правда, пришлось ему долго объяснять, почему не нужно составлять новый договор. Он не сразу поверил, что среди подруг встречаются такие полные совпадения имен, как у вас.

Короче, дело было только за моим согласием и поэтому голубки гипнотизировали меня с двойной силой. Мои робкие попытки отказаться ни к чему не привели, и я в отчаянии выдвинула последний аргумент.

— Если бы я любила чужих детей, то, наверное, тоже бы работала в школе, как и ты. — выразительно посмотрела я на Танюшу. — Мне ведь ничего не стоит покалечить парня, если он не будет вести себя как положено.

— Тань, ну что ты на себя наговариваешь! К тому же, две недели — это недолго, тем более, что не бесплатно. Деньги за это время ты заберешь себе. — соблазняла меня коварная подруга.

Насчет денег — это аргумент. Прикинув в уме сумму, я подумала, что в этом случае смогу поехать куда-нибудь отдохнуть. У меня все-таки отпуск. Увидев мои колебания, Толя добил меня предложением отвезти к месту службы на его «джипе». Это было против правил, так как все мои друзья прекрасно знали, что после ресторанов я безумно люблю внедорожники всех мастей. Это вам не «Ауди», которая стелется над асфальтом, а внутри нее создается полное впечатление лежания на двуспальной кровати, даже в сон клонит. И не «БМВ», в которой у меня начинается головокружение, а при торможении я готова похвастаться завтраком. «Джип» — машина скрытых романтиков и тайных путешественников. Он выше любой легковой машины, что позволяет любоваться окрестностями, не натываясь на злобные взгляды других автолюбителей. Мелких ямок и кочек для него просто не существует. А с какой легкостью он берет непреодолимые для других автомобилей препятствия. Сами понимаете — я согласилась.

Рано утром в понедельник Толя с «Джипом» поджидали меня во дворе. Две недели вне дома — срок небольшой, но моя огромная спортивная сумка была битком набита вещами. На себя я надела деловой костюм серо-голубого цвета, который мне очень нравился. С утра было свежо, поэтому легкий пиджачок смотрелся уместно. Я могла бы надеть что-то более летнее и легкомысленное, но истина гласит: «Не бывает второй возможности произвести первое впечатление».

Толик косвенно подтвердил правильность моего выбора, театрально закатив глаза и схватившись за сердце. Я торжественно уселась на переднее сиденье, сделала лицо, достойное пассажирки «Джипа» и тут же вспомнила, что не накрасила губы. Это мой бич! Причем, я забываю о губах не просто так, а в извращенной форме. Например, нанесу только контур, а помаду забуду, или помада вся на месте, а контур только на верхней губе. В довершение ко всему я никогда не ношу с собой маленького зеркала. Они у меня просто не живут — то теряются, то разбиваются.

— Угостите даму зеркалом. — попросила я Толика.

Глянув на меня, он прыснул в кулак и откинул прямо передо мной какой-то клапан, который оказался маленьким, вмонтированным в козырек, зеркалом. О, Боже! Сегодня я особо отличилась — на верхней губе только помада, а на нижней только контур. Пока я приводила себя в порядок, мы успели выехать из города и я полностью отдалась созерцанию проплывающих за окном автомобиля окрестностей.

К сожалению, загородный дом Головановых был расположен достаточно близко километрах в тридцати от города, поэтому мы доехали непростительно быстро. Да еще Толику не терпелось сбегать меня и доложить Танюше о моем благополучном десантировании на вражескую территорию, каковой я почему-то считала Головановский особняк. Наверное дело было в моей непоколебимой уверенности в том, что все мальчишки, достигшие десятилетнего возраста, представляют из себя точную копию небезызвестного «вождя краснокожих» из старого фильма.

Деревня, которую «осчастливил» своим соседством массив современных коттеджей, называлась Порфирьево. Коттеджи тоже считались деревней Порфирьево, но сразу было видно, что они этим названием оскорблены. Сама деревенька прихрамывая и подслеповато шурясь, спускалась по кособоку к небольшой речушке, текущей среди зарослей осоки и ивняка. Трухлявые доски моста всем своим видом предупреждали каждого, кто решался на них ступить, о том, что не гарантируют никакой безопасности. Асфальтированная дорога мощной дугой огибала деревеньку и проезжим открывался вид на вековую дубовую рощу, в которой среди деревьев мелькали крыши или фрагменты дворцов, огороженных чудными решетчатыми изгородями. Фантазия застройщиков была достойна похвалы, так как в поле зрения мне не попалось ни одного одинакового дома.

Мы въехали на центральную улицу и я попробовала угадать, где именно мне предстоит прожить ближайшие две недели. Вон тот домик в два этажа был очень даже недурен. О, а вот этот со скошенной на прибалтийский манер крышей — тоже хорош! А это что такое?

Толик припарковал машину у массивных железных ворот с кирпичными тумбами по краям. Сбоку от ворот была калитка и все это радовало взор нежным сиреневым колером. Забор был того же цвета и без единой щелочки, в которую мог бы заглянуть любопытный прохожий. Конечно, мне бы тоже не хотелось быть объектом наблюдения посторонних, тем более на отдыхе, но не до такой же степени. Пока я осматривала бесконечный во всех направлениях забор, Толик позвонил и топтался у калитки, дожидаясь, когда нас пустят. Я дисциплинированно встала рядом с ним, опустив руки по швам. Через некоторое время за воротами послышались шаги и калитку открыла очень симпатичная на вид женщина лет пятидесяти. Улыбнувшись Толику и мне одновременно, она сделала приглашающий жест и мы вступили в частные владения Олега Константиновича Голованова. В ответ на наше дружное: «Здравствуйте!», она сказала.

— Мы вас ждали. С Анатолием я знакома, а вы, вероятно, Татьяна Алексеевна.

— Можно просто Таня. — задумчиво сказала я, не в силах оторвать взгляд от дома, представшего перед нами во всей красе.

Проследив за моим взглядом, женщина понимающе улыбнулась и представилась.

— Меня зовут Клавдия Васильевна. — и добавила, видя, что я по-прежнему в ступоре. — До приезда хозяев еще есть время, так что можете здесь немного осмотреться.

Разрешение было запоздалым, потому что я и не переставала осматриваться. Дом казался очень странным и не сразу можно было понять, почему. Сделав несколько шагов вправо по дорожке выложенной плиткой, я догадалась, в чем заключалась странность этого дома. Он был радиусный. От большого импозантного крыльца дом широкими крыльями плавно изгибался назад в виде огромной дуги. Он был одноэтажный и только над крыльцом возвышалась большая надстройка с высокими окнами. Белоснежные стены с сиреневыми украшениями по фасаду производили неизгладимое впечатление. Если окончательно дать волю воображению, то это сооружение напоминало не банальную дугу, а драгоценную

диадему, место которой на голове какой-нибудь царственной особы. Толику явно надоело таскаться за мной по дорожкам, да и Клавдия Васильевна, стоя на крыльце, начала проявлять легкое нетерпение. Пришлось оставить знакомство с территорией на потом.

Мы все втроем вошли внутрь дома и сразу попали в огромный холл, обставленный дорогой современной мебелью. Здесь было несколько диванчиков, кресел и банкетов. Два журнальных столика украшали вазы с живыми цветами. Холл был круглый и прямо напротив парадного входа имелся выход в сад. Надстройка, которую мы видели снаружи, оказалась продолжением холла в высоту. Сквозь высокие окна было видно небо, а на высоте трех метров по кругу шла широкая баллюстрада с красивыми перилами. К ней вела не менее красивая лестница, берущая начало справа от дверей, через которые мы вошли. Полная иллюзия того, что находишься в холле дорогой гостиницы где-нибудь в Турции. Сама я в таких не бывала, но рекламных проспектов насмотрелась достаточно.

Клавдия Васильевна явно была здесь за старшую, так как по ее жесту к нам тут же подошла невысокая девушка в скромном платье и взяла мою сумку из рук Толика. Звали девушку Олей, и, как я поняла, она была здесь горничной. Оля повела меня в правое крыло здания, чтобы показать мою комнату. Я шла за ней по широкому, плавно изгибающемуся коридору, и меня никак не покидало чувство все той-же необычности. Из-за оригинальной конструкции дома коридор казался бесконечным, потому что плавно уходил куда-то вперед и влево, что совершенно сбивало с толку и не позволяло понять, где же он обрывается.

Так и не доведя меня до конца таинственного коридора, Оля толкнула одну из дверей и мы вошли в небольшую, но очень уютную комнатку. Здесь было все, что нужно гостю. Широкая кровать, тумбочка возле нее, мягкое кресло с небольшим журнальным столиком, Торшер с веселеньким абажуром той же расцветки, что занавески на окнах и покрывало на кровати. В углу узкий двухстворчатый шкаф для одежды. Мне все очень понравилось. Оля сказала, что у меня есть тридцать минут до приезда хозяев.

— Потом спускайтесь в холл, все собираются там. — сказала она и оставила меня одну.

Я прошла по комнате, открыла узкую дверь возле входа и с удовольствием обнаружила за ней раковину, унитаз и душевую за кокетливой розовой занавеской. Приведя себя в порядок и разложив свой немногочисленный скарб, я села в кресло и подумала, что две недели маловато для того, чтобы вдоволь насладиться этим великолепием. Но тут же мысленно одернула себя — я еще не видела тех, с кем мне придется провести эти две недели. Может обернуться так, что загадочный дворец превратится в тюрьму, из которой я буду рада поскорее вырваться на свободу. Что ж, через пять минут я это уже пойму.

Еще раз взглянув на себя в зеркало, я вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и остановилась, снова испытав неприятные, а главное, непонятные ощущения. Опять этот проклятый коридор! Я как будто попала в виртуальный мир. Коридор одинаково плавно изгибался как вправо, так и влево и мне не сразу удалось сообразить с какой стороны меня привела Оля. Очень неприятное чувство, скажу я вам. Сориентировалась я только по звукам, доносящимся с левой стороны. Выйдя в холл, я увидела там Клавдию Васильевну, Олю, крепкого пожилого мужчину и огромного черного ньюфаундленда. Настроение мое моментально восстановилось — собаки и кошки были любовью всей моей жизни. Я тут же забыла и про коварный коридор и про предстоящее знакомство с хозяевами.

Между прочим, животные всегда отвечали мне взаимностью, поэтому я смело подошла к псу, взяла его за огромную лохматую голову двумя руками и поцеловала в прохладный нос. Пес слегка окосел от такой бесцеремонности, а я спросила.

— Как тебя зовут?

— Чиф. — густым басом ответила псина.

Теперь слегка окосела я, а все вокруг засмеялись.

— А меня зовут дядя Павел. — продолжал басить пожилой мужчина, которого я заметила еще до того, как меня отвлекла собака. — Любите животных? Одобряю!

— Да, люблю. Я — Таня. — представилась я с легким поклоном.

— Чиф смиренный. — сказал дядя Павел, но тут встрепенулась Клавдия Васильевна.

— Приехали! — громко сказала она, и все присутствующие заметно подобрались. —

Прошу на крыльцо.

Если вы когда-нибудь смотрели английский фильм о лордах, старинных замках и вышколенной прислуге, то вам нетрудно будет представить как мы выстроились на крыльце, в ожидании появления хозяев. Не знаю каким чутьем Клавдия Васильевна уловила их приближение, но ворота еще только открывались, пропуская во двор шикарную темно-вишневую «ауди». Створки автоматически закрылись, а машина плавно затормозила возле крыльца. Можно было ожидать, что сейчас выскочит шофер в ливрее и бросится открывать хозяевам дверцы, но этого не произошло. С заднего сиденья абсолютно самостоятельно выбралась молодая женщина, она была очень маленького роста и миловидная, как кукла Маша производства советской фабрики игрушек. Следом за ней показалась вторая женщина, похожая на первую, только постарше, повыше ростом и не такая миленькая. Они взойшли на крыльцо, весело переговариваясь и остановились перед шеренгой прислуги. К сожалению, было совершенно очевидно, что мы все для этих дамочек были не помощниками по дому, не воспитателями, а именно прислугой.

— Тетя Клава! — радостно воскликнула та, что помоложе и театрально протянула руки к пожилой женщине.

Клавдия Васильевна, миг утратившая всю свою солидность, и совершенно по-деревенски запричитала.

— Натальюшка, рыбонька моя, солнышко мое ненаглядное. Я так соскучилась.

— Ну полно, полно тебе. — немного высокомерно остановила ее хозяйка, заметив слезы в глазах женщины.

Клавдия Васильевна справилась со своими чувствами, приосанилась и взглянула на вторую прибывшую.

— Здравствуй, Аннушка. — гораздо менее эмоционально сказала домоуправительница. — Добро пожаловать.

— Здравствуй, тетя Клава. — равнодушно ответила та и подошла поближе к Наталье, которая уже минуту рассматривала нас всех вместе и каждого по отдельности.

— Доброе утро. — протянула хозяйка, останавливая свой взгляд на мне.

Я совершенно не представляла, что мне нужно сделать — присесть в реверансе, демократично кивнуть или церемонно представиться. В результате упустила момент и вообще не поздоровалась. Наталья вопросительно взглянула на Клавдию Васильевну и та поспешила с разъяснениями.

— Это Татьяна Алексеевна, гувернантка для Ильи.

— Ах вот оно что. — кивнула Наталья и снова окинула меня взглядом. — Ну-ну, посмотрим.

Мне тут же захотелось взяться за юбку обеими руками и покрутиться перед этой женщиной, чтобы она посмотрела на меня прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик.

После этих слов обе сестры, а я уже не сомневалась, что они сестры, прошли в дом. Я видела, что Клавдии Васильевне очень хочется броситься за ними вслед, но обязанности вынуждают ее остаться и встретить остальных.

На крыльцо, тем временем, поднимался молодой атлет приятной наружности. На его правом бицепсе, сцепив замком руки и болтая в воздухе ногами, висел мой подопечный мальчишка. Атлет был шофером — это я знала точно. Он не мог быть Олегом Константиновичем Головановым по той простой причине, что являлся Ремезовым Николаем Викторовичем, а в кругу друзей — Николашей.

Когда мы виделись с ним последний раз, примерно три года назад, он работал в школе учителем физкультуры. Мы тогда посидели в кафе, повспоминали наших сокурсников. Как же тесен мир! Выходит, что теперь мы оба с Николашей в прислугах.

Атлет легко взошел по ступенькам и поднес мальчика прямо к лицу Клавдии Васильевны. Парень, продолжая висеть, подставил щеку для поцелуя и сказал.

— Привет, баба Клава.

Та быстро оглянулась на Наталью и Анну, которые стояли в холле за стеклянными дверями, и сдержанно ответила.

— Здравствуй, Илья. — и чмокнула его в щеку.

Николаша донес ребенка до двери, опустил на пол и слегка подтолкнул его внутрь. Вернувшись к нам, Коля разулыбался и начал здороваться. Было видно, что его здесь любили. Дойдя до меня, Николаша тихо ахнул и тут же попытался сгрести меня в охапку.

— Танька, какими судьбами?!

Я остановила его руки под строгим взглядом Клавдии Васильевны и одними губами сказала.

— Все потом.

Николаша был понятливым и отступил в сторону. В это время наконец-то открылась передняя дверца машины и на свет показался сам хозяин, пряча во внутренний карман пиджака сотовый телефон. Очевидно его задержал разговор. Олег Константинович поднялся по ступеням и увидел наши стройные ряды. Он укоризненно взглянул на домоуправительницу.

— Клавдия Васильевна, опять вы... — и покачал головой.

— Так положено, Олег. — поджала губы женщина.

Хозяин безнадежно махнул рукой и, поздоровавшись со всеми сразу, взглянул на меня. Я молча таращила глаза. Олег Константинович был чуть выше среднего роста, брюнет с добрыми серыми глазами и слегка смущенной улыбкой. Он понравился мне еще когда поднимался на крыльцо, теперь же, заглянув в его глаза, я поняла, что пропала. Как только встречу Танюшу, выверну ей вторую ногу. Надо же, какая подлость — подсунуть мне мужчину моей мечты, но с женой и сыном в одном флаконе.

— Вы — Татьяна? — спросил меня Олег.

— Что? — встрепенулась я.

— Вы — воспитатель моего сына? — уточнил он вопрос и с легким недоумением заглянул мне в глаза.

— Нет. — ответила я. — То есть, да.

Надо взять себя в руки, иначе он подумает, что я полоумная.

— Да не волнуйтесь вы так. Через двадцать минут будьте, пожалуйста, в холле, я познакомлю вас с сыном.

— Хорошо. — кивнула я уже более осмысленно.

Он ушел, а меня подхватил Николаша и потащил к деревянной скамейке, стоящей у крыльца.

— Танька, ну ты даешь! Судя по взгляду, которым ты ела Олега, твоя фамилия до сих пор Смирнова?

— Опозорилась, да? — с тоской спросила я бывшего сокурсника.

— Брось! Олег правильный мужик.

— То-то и оно. — безнадежно вздохнула я. — А как у него с женой?

— Ты, я вижу, все еще не в себе. Ничего говорить не буду. Составь сначала свое мнение, а потом сравним его с действительностью. Кстати, тебе уже пора. — он поднялся со скамейки.

— Николаша, намекни про Илью. Чего от него ждать?

— Все очень просто — с ним, как с собакой. Отведешь взгляд первая, считай, что он сел тебе на шею.

— Спасибо, что предупредил. — я тоже встала со скамейки и направилась в холл.

Олег уже сидел в одном из многочисленных кресел и задумчиво смотрел в сад через стеклянные двери. Я уже настолько пришла в себя, что смогла без дрожи подойти к нему почти вплотную и остановиться в ожидании. Мне хорошо были видны волосы на его макушке, трогательно свившиеся в небольшое птичье гнездышко. Он повернулся и тут же встал из кресла.

— Пожалуйста, Татьяна, присаживайтесь. — приглашающий жест в сторону диванчика.

Я кивнула и села, элегантно поставив ноги под углом в сорок пять градусов, он снова опустился в кресло. Галантен, черт его возьми! Надо бы поискать в нем отрицательные черты, так легче с собой справиться.

— Удивительное рядом. — сказал Олег, чем сильно меня озадачил. — Я имею в виду, что вы с Танюшей полные тезки.

— Да, бывает и такое, но уже недолго осталось. Скоро Танюша поменяет фамилию. — напомнила я.

— А вы?

— Что вы имеете в виду?

— Вы не собираетесь менять фамилию? — серьезно спросил он.

— Пока нет. — также серьезно ответила я.

Какой-то странный получается разговор. Не о моих обязанностях или способностях, а почему-то о моих планах на жизнь. Вдруг Олег громко свистнул, а я вздрогнула от неожиданности. Сверху донесся голос.

— Иду, пап!

Я подняла голову и увидела, что по баллюстраде бежит Илья. Через минуту он уже стоял возле отца и с интересом меня разглядывал. Я вспомнила наставления Николаши и твердо посмотрела мальчику в глаза.

— Илюша, познакомься с тетей Таней, она ...

— Гувернантка! — старательно выкрикнул Илья почти мне в лицо и стал ждать реакции.

— Что такое?! — нахмурился Олег.

— А что? Мама так сказала. — задиристо ответил Илья.

Повисла пауза и я поняла, что сейчас моя реплика.

— Ну что ж, тогда тебя я буду называть барчуком. — подвела я итог нашего знакомства.

— Почему? — озадачился Илья.

— Ну как же? Твой папа хозяин, то есть барин. Ты — его сын, то есть барчук.

Нравится? — с деланной наивностью спросила я.

— Нет. — после некоторых раздумий ответил Илья. — Похоже на чурбан.

Олег от души расхохотался и потрепал сына по волосам.

— Ну, тогда я остаюсь просто тетей Таней, а ты, если не возражаешь, Ильей.

Договорились? — и я протянула мальчику руку.

Это был рискованный шаг, способный перечеркнуть все мои предыдущие завоевания, но я решила не отступать. Теплая широкая ладошка десятилетнего мальчика легла в мою руку и я пожалала ее достаточно крепко. Его рука тут же закаменела в ответ, но свою я уже убрала. Не стоит так сразу напрягать парнишку сверх меры, у нас еще будет время для единоборства. В общем Илья мне понравился, а это уже хорошо. Тем более, что он был очень похож на своего отца и совершенно не похож на мать.

— Иди, погуляй до обеда. — сказал Олег сыну.

Илья тут же сорвался с места и выскочил в сад. Я осталась в легком недоумении — как же мои обязанности воспитателя? Они уже начались или еще нет? Я повернулась к Олегу и удивилась перемене, которая в нем произошла. Он как-то обмяк в кресле, под глазами появилась легкая синева, а вся его поза говорила о навалившейся усталости. И это утром, когда люди полны сил и энергии.

— Что-то я устал. — сказал Олег, поймав мой взгляд. — в последнее время это со мной бывает. Извините, я пойду к себе.

Мы одновременно поднялись, и Олег направился в левое крыло дома. Я растерялась, не зная, что мне делать дальше.

— Да, чуть не забыл. — оглянулся Олег. — Наталья просила зайти к ней. Она хочет обговорить ваши обязанности.

— А куда это? — разволновалась я.

— Пойдемте, я вас провожу.

Я послушно двинулась вслед за Олегом, снова окунаясь в виртуальность коридора.

— Это здесь. — показал он на одну из дверей и как будто растворился в плавном изгибе стен.

Я немного постояла, глядя ему вслед, а потом постучала в дверь.

— Открыто! — донеслось до меня.

Я толкнула створку, сделала несколько шагов и попала в сиреневый туман. Несомненно, что этот цвет был любимым у хозяйки комнаты. Занавески, покрывало, ковер, ваза на столе — все было сиреневым, с разной степенью насыщенности. Сама Наталья сидела в кресле в сиреновом пеньюаре, ее белые волосы стягивала сиреневая лента, а на ногах были сиреневые шлепанцы на маленьком каблучке. Весь этот антураж лишь усиливал ее сходство с куклой.

Наталья не предложила мне сесть, а сразу начала перечислять мои обязанности. Пришлось стоять перед ней навытяжку, так как ее тон не позволял расслабиться.

— Сегодня до обеда мальчик погуляет в саду. Кстати, вы уже познакомились? — спросила она и я утвердительно кивнула. — После обеда все в доме отдыхают. В три часа проводите Илью на озеро, искупаетесь, позагораете. Ужин у нас в семь вечера, поэтому в шесть вы уже должны вернуться. После ужина придумайте что-нибудь, чтобы мальчик не балбесничал. В десять ребенок уже спит, поэтому у вас будет немного свободного времени.

Меня не беспокойте по пустякам, решайте все самостоятельно или с Клавдией Васильевной. Все понятно?

Я снова кивнула. Даже будь у меня вопросы, я не стала бы задавать их этой кукле, которая называет собственного сына мальчиком. Наталья отпустила меня взмахом руки. Какой контраст между ней и мужем. В доме порядки времен феодальной Англии. Интересно, как другие обитатели относятся ко всему этому? Спрошу у Николаши.

Я направилась в свою комнату, чтобы снять деловой костюм и неожиданно стала свидетельницей странной сцены. Прямо в центре холла стояли Клавдия Васильевна и Илья. Она гладила его по темным волосам, а мальчик тянулся за ее рукой как котенок, требующий ласки у своего хозяина. Меня поразили взгляд женщины — в нем сквозила жалость и тоска одновременно. Так смотрят на человека, которому очень сочувствуют. Заметив меня, Клавдия Васильевна вздрогнула и отдернула руку от головы мальчика. Илья оглянулся, издал боевой клич и снова убежал в сад. Чувствуя неловкость, я опустила глаза и быстро пересекла холл. Спину мне буравил взгляд. На этот раз я даже обрадовалась, что изгиб коридора скрыл меня от Клавдии Васильевны. Все-таки странные люди обитают в этом доме. За две недели, наверное, не разобратся.

Обслуга обедала отдельно от хозяев и это меня порадовало, потому что в данный момент мне совершенно не хотелось видеть кого-либо из этой семьи. Даже Олега. Весь обед за столом царил веселье, генератором которого был Николаша. Он рассказывал анекдоты, беззлобно подтрунивал над простоватой Олей и перекидывался шуточками со мной. Дядя Павел хохотал раскатистым басом, а Чиф вальяжно развалился под столом, положив свою огромную мягкую лапу на мою туфлю, недвусмысленно давая понять, что мой утренний прилюдный поцелуй в нос теперь меня ко многому обязывает.

В ходе обеда я узнала, что дядя Павел ухаживает за садом и производит в доме мелкий ремонт. Для устранения крупных неполадок вызывались мастера из города. Николаша был личным шофером хозяина, но «через тире» считал себя еще и телохранителем. Олег, правда, в таком не нуждался, так как был порядочным и доброжелательным мужиком, а следовательно не имел врагов, желающих навредить его телу. Оля, как я и предполагала, выполняла обязанности горничной — убиралась в комнатах и вдобавок помогала Клавдии Васильевне готовить. Сама Клавдия Васильевна надзирала за всеми и по значимости была немногим ниже хозяев.

Также я узнала, что до Натальино замужества Клавдия Васильевна жила в их семье, как бывшая ее няня. Женщину взяли в дом, когда родилась младшая из сестер и оставили в доме, когда девочки уже повзрослели. Клавдия Васильевна обожала свою воспитанницу и готова была посвятить ей жизнь. Аня была старше Наташи на шесть лет, и не вызвала в душе няни таких бурных чувств, да и сама не особенно жаловала Клавдию Васильевну.

Обед подошел к концу и я помогла Ольге убрать со стола. От обильной и вкусной еды меня немного разморило, и я решила посидеть в саду с книжкой. Часть земли за домом была занята под аккуратный огород и сад с плодовыми деревьями и кустарником. На остальной же территории, обособленные друг от друга, стояли огромные дубы, создавая приятную тень. Кое-где под дубами были удобные скамейки. Я облюбовала самую дальнюю и устроилась на ней, с намерением почитать. Почти сразу меня сморило окончательно и я уснула. Разбудила меня книга, выпавшая из рук и ударившая по ноге. Я посмотрела на часы — оставался час до того времени, как нам с Ильей идти на озеро. Откинувшись на спинку скамьи, я стала осматриваться и вдруг мне по глазам полоснул солнечный лучик. Проследив направление, я

увидела за забором верхнюю часть соседнего дома, так называемую мансарду. Окно было распахнуто и в нем отчетливо просматривался пожилой мужчина с небольшой подзорной трубой, прижатой к правому глазу. Я прикинула сектор обстрела. В поле зрения любопытного соседа попадала вся задняя часть левого крыла дома и кусочек правого, не говоря уже о прилегающей территории, которая простреливалась взглядом почти полностью.

Мне стало неуютно. Ничего крамольного или неприличного я делать не собиралась, но спокойно отдыхать под любопытным взглядом престарелого наблюдателя было уже невозможно. Надо будет спросить у Николаши, что это за тип такой.

Я приступила к своим прямым обязанностям. Илья, все время подпрыгивая и издавая разные звуки, вел меня на озеро купаться. Погода была самая подходящая для пляжного отдыха — солнце уже не пекло так сильно и дул легкий ветерок.

При ближайшем рассмотрении озером оказался большой пруд. Запрудили ту самую тихую речушку, которая протекала через старую часть деревни Порфирьево. Берег со стороны новостроек был облагорожен, посыпан песочком и снабжен кабинками для переодевания в количестве двух штук. Дубовая роща начиналась от самого песка, предлагая отдыхающим великолепный травяной ковер, очень похожий на английский газон.

Я расстелила покрывало прямо под дубом, мы с Ильей сбросили одежду и пошли к воде. Парень хитро посматривал на меня, из чего я заключила, что должна буду доказать свою состоятельность по части плавания. Ну — это пожалуйста. Плавать я умела и любила, купалась всегда подолгу и со вкусом. Намерения Ильи я разгадала еще на подступах к воде. Он напрягся и с места рванул вперед. Когда вода дошла ему почти до колен, Илья оттолкнулся и нырнул, стараясь уйти как можно глубже. Наивный, собрался испугать меня тем, что долго не вынырнет на поверхность. А вот и дудки! Я бесшумно скользнула вслед за ним, открыла под водой глаза и увидела силуэт мальчишки, старающегося отплыть как можно дальше. Двумя мощными толчками я догнала его и поплыла рядом, дожидаясь, когда у хитреца закончится воздух в легких. Ничего не подозревая, Илья пошел на всплытие. Я старалась держаться у него за спиной. Парень вынырнул, энергично тряхнул мокрыми волосами и повернулся к берегу. Я тихонько всплыла позади сорванца. Илья недоуменно осматривался и бормотал себе под нос.

— Ну и где она?

— Русалку заказывали? — тронула я его за плечо.

Илья коротко взвизгнул, а потом рассмеялся. Это хорошо — воспитанник был необидчивым и с чувством юмора.

— Классно, тетя Тань! — восторженно закричал он.

Я кивнула в сторону берега.

— Наперегонки?

— Запросто! — ответил Илья и забарабанил по воде руками, стараясь набрать скорость.

Когда он пришлепал на мелкое место, я уже ждала там, делая вид, что замеряю его «рекорд» по секундомеру. Илья уселся по пояс в воде и констатировал.

— Обогнали.

— Ты хорошо плаваешь. — похвалила я. — Если хочешь, могу показать кое-какие секреты?

— Давайте! — Илья с готовностью вскочил, но покачнулся, схватился за голову и снова опустился в воду.

— Что? — заволновалась я.

— Голова закружилась. — ослабевшим голосом сказал мальчик.

Он стремительно бледнел, под глазами обозначились круги, а тело как-то все обмякло. Я подхватила его и вывела на берег, парень еле передвигал ноги. Уложив Илью на покрывало, я прикрыла его полотенцем, так как мальчишку стало еще и слегка познабливать.

— С тобой такое уже было?

— Да, несколько раз. — стуча зубами, ответил Илья.

— Врач смотрел?

— Нет, мама сказала, что это от переутомления. Не волнуйтесь, сейчас пройдет, я знаю. — успокоил меня Илья.

Я сидела рядом с ним на покрывале и держала руку на его лбу. Машинально я поглаживала большим пальцем место между густыми темными бровями. Постепенно щеки Ильи начали розоветь и озноб прекратился. Он лежал с закрытыми глазами и медленно приходил в себя. Я решила убрать руку, чтобы не мешать, но стоило мне чуть оторвать ладонь от его лба, как Илья открыл глаза и посмотрел на меня с такой мольбой, что я тут же вернула руку на место и продолжила поглаживать его между бровей.

Как же это понимать? Парнишке явно не хватает ласки. Как такое может быть при наличии, как минимум, трех женщин в его жизни? Из задумчивости меня вывело чье-то горячее дыхание, опалившее шею. Я обернулась и нос к носу столкнулась с Чифом. Этот теленок стоял на покрывале, умильно смотрел на меня и плавно водил хвостом из стороны в сторону, флегматично выражая бурный восторг от нашей встречи. Лохматый громила загоразивал мне весь обзор, поэтому я спросила.

— Ты один?

Умный пес с достоинством отодвинулся в сторону и я увидела подходящего к нам Николашу.

— Привет, что уже накупались?

Я взглянула на Илью, он улыбался Николаше и выглядел вполне прилично.

— Посидишь с Чифом? — спросила я, и Илья утвердительно кивнул.

Мальчик нравился мне все больше и больше. Николаша сбросил футболку с шортами и ждал меня у кромки воды. Мы одновременно занырнули и поплыли к середине пруда. Николаша деликатно не обгонял меня, хотя мог бы уже сплавить туда и обратно.

— Илье сейчас было плохо. — сказала я.

Николаша скосил на меня глаза и хмуро кивнул.

— Давно это у него?

— С весны. Если считать сегодняшний случай, то уже пятый раз. И все время здесь.

— Почему же его не показывают врачу? — не унималась я.

— Наталья говорит, что это переутомление от учебы. К тому же все быстро проходит.

Мы выбрались на берег и сели на песок. Илья дрессировал Чифа, прося у него дать то одну, то другую лапу. Чиф каждый раз надолго задумывался, как будто лапу нужно было отдать насовсем. Вдруг я увидела, что по тропинке между дубами к мальчику и собаке приближается пожилой мужчина маленького роста, щуплый и энергичный, как подросток. Он шел чуть ли не вприпрыжку.

— Здравствуйте, дядя Юн! — помахал ему рукой Илья. Чиф доброжелательно шевельнул хвостом.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодые люди. — сказал пенсионер, обращаясь сразу и к Илье, и к Чифу.

— На его голове красовалась старомодная белая панама. Мужчина взглянул в нашу сторону, крикнул: «Добрый день!» и вежливо приподнял головной убор. В этот момент я его узнала — именно он подглядывал за мной в подзорную трубу не далее, как сегодня в обед. Ответив на приветствие, я дождалась, когда старичок отойдет подальше, и спросила у Николаши.

— Это что еще за имя — Юн?

— А, это сокращенно. Полное имя — Юнлен Семенович.

Я удивленно воззрилась на приятеля.

— Юнлен означает Юный Ленинец. — пояснил Николаша. — Пролетарское такое имечко.

Я оглянулась вслед уходящему мужчине. Ну конечно! Как я сразу не поняла? Он действительно напоминал пионера — резвого и воодушевленного. Хотелось оглядеться и найти, где же он оставил свой пионерский горн или ведро с карасями. Кстати, подзорная труба тоже гармонично вписывалась в этот образ.

От размышлений меня отвлек Илья, предложив посоревноваться в кидании желудей. Я тут же кощунственно соорудила мишень из Николашиной бейсболки, подвесив ее на сучок. Почти полчаса мы оживленно кидали желуди в импровизированную корзину и Илье удалось нас обставить. За это время Чиф успел самостоятельно сходить искупаться и даже обсохнуть. Пора было возвращаться домой — скоро ужин.

Вечер после ужина протекал неспешно. В доме почему-то было безлюдно или мне просто так казалось. Илья уселся в холле перед телевизором и замер, загипнотизированный разноцветными монстрами-трансформерами из мультипликационного сериала, догоняющего по количеству серий пресловутую «Санта-Барбару». Я же снова взяла книгу, устроилась в одном из кресел и принялась читать, вздрагивая, когда монстры на экране уж очень зловеще рычали. Чиф лежал у моих ног и тяжело вздыхал. Ему не нравился сериал.

Вдруг к мерзкому рыку трансформеров присоединились нормальные человеческие голоса. Я покрутила головой, но не сразу сообразила, что звуки доносятся из левого крыла. Беседующих не было видно, но голоса рикошетили от плавных изгибов коридорных стен и лезли мне прямо в уши. Это были Олег и Наталья.

— Олежек, ты переутомляешься.

— Да, что-то мне последнее время часто бывает не по себе, но сейчас я о другом.

— Еще раз говорю, не заходила я к тебе! — слегка повысила голос Наталья.

— Слушай, но я же видел тебя как сейчас, даже окликнул.

— А я не ответила?

— Нет, прошла мимо меня, как будто я пень, и вышла из комнаты.

— Олежек, давай ты и завтра не пойдешь на работу. Отдохнешь, сходишь на озеро.

— Не знаю, может ты и права. Я подумаю. — тоскливо сказал Олег.

— Ну, иди ложись, отдыхай. — Натальино напутствие звучало одновременно слащаво и равнодушно.

Я услышала звук шагов, а через несколько секунд в холле появилась сама хозяйка. Она взглянула на увлеченного мультфильмом Илью, потом на изящные часики у себя на запястье и только потом на меня. Какой холодный пустой взгляд. Она, наверное, долго тренировалась перед зеркалом, как именно следует смотреть на прислугу.

— Вы помните, в десять? — постучала она по циферблату холным пальчиком.

— Да, мы скоро пойдём. — постаралась я ответить как можно вежливее.

Наталья зачем-то описала по холлу круг почета, но так и не подошла пожелать сыну спокойной ночи. Странно она к нему относится, даже жалко парня.

Мультфильм вскоре закончился и Илья обернулся ко мне.

— Уже спать? — спросил он.

— Да, пора.

— А вы меня проводите?

— Конечно, пойдем. — я поднялась с кресла.

Илья нажал кнопку на пульте и направился в то же крыло, где была моя комната. Войдя в коридор, Илья вдруг раскинул руки, закрыл глаза и начал медленно вертеться вокруг своей оси. Потом остановился и, не открывая глаз, сказал.

— Когда я так делаю, потом долго не могу понять, куда нужно идти.

Он открыл глаза и посмотрел на меня совершенно шальным взглядом. Я почувствовала, что каким-то образом очутилась в его виртуальной игре. А ведь верно, в этом коридоре теряется ощущение реальности, притупляется ориентация в пространстве. Я вспомнила совет одного опытного горнолыжника для тех, кого накрыла лавина. Если хочешь понять под толщей снега и в кромешной темноте, в какую сторону начать откапываться, нужно плюнуть себе на подбородок. Слюна всегда потечет туда, где низ, значит копать надо в противоположную сторону. В этом же дурацком коридоре даже плевать бесполезно, он не подчинялся никаким законам, кроме виртуальных.

Я приобняла Илью за плечи и так мы дошли до его комнаты. Она располагалась недалеко от моей. Мы вошли и включили свет, постель уже была разобрана. Илья быстро скинул с себя одежду, совершенно меня не стесняясь, и нырнул под одеяло. Я покачала головой.

— Молодой человек, за ночь в этой куче тряпок поселятся мыши, они подумают, что это гнездо.

Илья с интересом посмотрел на пол, потом выпрыгнул из кровати и аккуратно развесил одежду на спинке кресла, потом снова забрался под одеяло. Я подошла и, неожиданно для себя самой, поцеловала мальчишку в лоб.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — прошептал Илья, не сводя с меня восхищенного взгляда.

Я смутилась и поторопилась выключить свет. Уже в своей комнате, готовясь ко сну, я пыталась проанализировать свой порыв. Наверное, инстинкт сработал — мама всегда целовала меня на ночь, а я ее, да и папа тоже не забывал пожелать мне спокойного сна. А может быть меня задело равнодушие Натальи? Я лежала и малодушно пыталась скрыть от себя самой, что Илья просто-напросто вызывает во мне сострадание и теплые чувства. Ведь он так похож на своего отца... Который, кстати, тоже не пришел к сыну перед сном. Будем считать, что это из-за плохого самочувствия.

Утро встретило нас легкой пеленой облаков, но зато до самого горизонта. Перед завтраком Илья постучался ко мне, чтобы узнать, чем мы сегодня займемся. Я предложила ему взять Чифа и совершить экскурсию по живописным окрестностям. Он с радостью согласился на роль гида и помчался завтракать.

Когда я уже помогала Ольге убирать со стола, Илья ворвался в нашу столовую и громко сообщил, что на прогулку с нами пойдет его папа. Значит, Олег и правда решил не ездить на работу. Мое сердце екнуло — предстояло общение с приятным человеком. Даже для себя самой я облекала мои чувства к Олегу в невинную форму милого времяпрепровождения. Я лукавила — сегодня ночью мне снился этот мужчина, и я проснулась с сильно бьющимся сердцем. Господи, за что ты меня наказываешь? Я могла уже раза три в своей жизни выйти замуж и неплохо существовать к данному моменту. Но ни один из претендентов на мою руку не вызывал во мне даже легкого душевного трепета, не говоря уже о сердцебиении среди ночи. Зачем ты, Господи, привел меня в этот странный дом и поставил лицом к лицу с этим

мужчиной? Я же никогда не позволю себе разбить семью и мне останется только молча страдать от безысходности. Я влюбилась! Как и во все времена, это произошло совершенно неожиданно, но нужно держать себя в руках. Пройдут две недели, я уеду и буду вспоминать Олега, как несбывшуюся мечту. А сейчас я пойду в свою комнату и постараюсь сделать себя более привлекательной. Это-то я могу себе позволить?

Олег с сыном ждали меня возле крыльца, досаждая Чифу глупыми приказами, типа, сидеть, аппорт и голос. Чиф воспринял мое появление, как освобождение, и даже позволил себе невиданную для своей комплекции прыть и обогнал нас на полкорпуса по пути к калитке. По мимолетному взгляду Олега я поняла, что преуспела по части придания себе привлекательности. Пропуская меня в калитку, он не удержался и втянул в себя мой запах. Дура, не нужно было пользоваться духами, он же сразу поймет, что это я не для себя.

Мы пошли вдоль улицы в сторону озера и Олег начал рассказывать о владельцах каждого из коттеджей, мимо которых мы проходили. Пионерообразный Юнлен Семенович оказался дедушкой молодого коммерсанта, сделавшего свой «первый миллион» на продаже большой партии шампанского, в те времена, когда этот неотъемлемый атрибут новогоднего стола был недоступен широким массам трудящихся. Сейчас внучек также успешно торговал оргтехникой.

В других коттеджах жили — директор кирпичного завода, ведущий с местного телеканала, вечный кандидат в депутаты в Областное законодательное собрание и несколько бизнесменов. Олег отпускал остроумные реплики и мы много смеялись. Я постепенно расслабилась, перестала терзаться угрызениями совести и стала получать удовольствие от общения. Мы как-то незаметно перешли на «ты».

— Таня, а хочешь мы с Ильей покажем тебе заброшенную церковь? — вдруг спросил Олег.

— Конечно хочу! Обожаю все старинное.

— Я тоже. Тогда пошли.

Мы спустились к озеру и направились в сторону небольшой дамбы, чтобы перейти на другую сторону. Деревья здесь были гуще и выше, подлесок тянулся к свету, создавая впечатление непролазности, поэтому церковь совершенно неожиданно возникла из-за поворота тропинки, поразив меня своей мрачностью.

Куполов уже давно не было, крестов, соответственно, тоже. Церковь была сложена из красного кирпича, потемневшего от времени. Эрозия сделала свое дело, и кирпичи во многих местах казались кем-то выеденными. В стене, обращенной к лесу, открывался сводчатый дверной проем. Мы собирались войти внутрь, но я вспомнила про Чифа. Олег правильно понял меня и приказал собаке остаться снаружи.

На внутренних сводах церкви, как ни странно, кое-где сохранились фрагменты голубых фресок. Можно было угадать цветок, с трогательно поникшими лепестками, край плащаницы с орнаментом из стилизованных крестов, полу стёршийся лик святого с невероятными глазами, обращенными к небесам.

Илья притих. Видимо на него тоже действовала атмосфера величественного запустения, присущая всем разрушенным святыням. Эти стены, перенесшие святотатство воинствующих атеистов, обдавали холодом отчуждения всякого, вошедшего внутрь. И лишь для тех, кто не разучился поднимать глаза к небу, нежно голубели сохранившиеся фрагменты фресок на недосягаемо высоком полукружии церковного свода.

Мы молча вышли из церкви и отправились по тропинке назад. Олег задумчиво

покусывал сорванную травинку и я не решалась прервать его раздумья. Вдруг он спросил.

— Таня, у тебя когда-нибудь было так, что ты явственно видишь человека, а потом оказывается, что это была галлюцинация или видение, не знаю, как точнее определить?

— Это что же, святое место навеяло на тебя мысли о нечистой силе? — Усмехнулась я, но неожиданно вспомнила услышанный вчера вечером разговор между супругами. Олег между тем продолжал говорить.

— Вся история церкви от Рождества Христова до наших дней пронизана мистикой, но я сейчас не об этом. Вчера ночью я открыл глаза и увидел, что по комнате ходит Наталья. Я ее окликнул, но она молча прошла мимо и вышла в дверь.

— И что тут такого, ведь она твоя жена? Или у вас не принято приходить друг к другу по ночам? — не удержалась я от вопроса.

— Да, не принято. — получила я неожиданный ответ. — Но странность не в этом. Когда я позже спросил Наталью, она сказала, что вообще никуда ночью не выходила, тем более, не была в моей комнате.

Я непроизвольно зафиксировала внимание на словах «тем более». Слишком уж однозначно они прозвучали. Неужели супруги в ссоре? Но я слышала, как Наталья называла его Олежком. Согласитесь, слишком ласково для поссорившихся.

Было очевидно, что Олег придает большое значение случившемуся и мне стало его жалко. Сразу захотелось помочь, защитить, приласкать. В порыве сострадания я задала бестактный вопрос.

— Олег, а что за приступы слабости случаются с тобой? Может быть в этом все дело и ты действительно переутомился. — договаривая, я поняла, что выдаю себя с головой, повторяя слова его жены. Но Олег ничего не заметил.

— Да, знаешь, с весны начались какие-то странные приступы. Вроде ничего не болит, но вдруг накатывает дурнота, головокружение, сильная слабость и очень хочется прилечь. Такое состояние здорово выматывает.

— А у врача был?

— Нет, зачем? Это быстро проходит. И вообще я думаю, что Наталья права — это переутомление.

Что же за непререкаемый авторитет у Натальи? Муж и сын страдают с весны одинаковым недомоганием, а к ним до сих пор не допущен врач! Странно все это. Я шла задумавшись и опустив голову, а Олег неверно истолковал мою отрешенность.

— Извини, Тань, загрузил я тебя своими проблемами.

— Да что-ты, я просто задумалась.

— Не знаю, зачем я тебе это рассказал?

— Наверное, больше некому? — предположила я и, осмелев, продолжила. — Что-то в вашей семье не наблюдается теплых взаимоотношений.

— Ты здесь всего-то сутки, неужели со стороны все так очевидно? — удивился Олег.

— Извини, да! — констатировала я. — Может быть не каждый бы это заметил, но я как-никак преподаю на кафедре психологии.

— Ну-у-у, тогда тебе и карты в руки. Если разберешься в нашем милом семействе, считай, докторская у тебя в кармане. — рассмеялся Олег, но глаза его при этом оставались какими-то тоскливыми.

— Не стремлюсь «остепеняться», предпочитаю просто преподавать, но от практики не откажусь.

— Договорились, по рукам! Когда начнутся сеансы психотерапии?

— Так уже начались. Правда, я не по этой части, но могу помочь разобраться. Но для этого придется много разговаривать. — нагло выторговывала я себе общение с Олегом.

— Вечерние прогулки для этого подойдут?

— Конечно, Илья с Чифом будут в восторге! — прикрылась я невинным ребенком и собачкой.

Мы продолжили прогулку, но солнце так и не желало показываться. Мало того, запахло дождем, и мы вернулись. Скоротав время за компьютером, Илья сразу после обеда ушел в свою комнату. Он снова выглядел переутомленным и я не стала ему мешать. Прихватив книжку, я направилась в сад и расположилась в беседке, которую не заметила в прошлый раз за деревьями. Садовые беседки навевают на меня странные чувства — этакий ностальгический коктейль из запаха сирени, звездного неба и романса со словами: «Отвори потихоньку калитку...».

Сидеть здесь было очень приятно, Ветер теребил листья на дубах, заставляя их шелестеть. Иногда он пробежал по траве и поднимал вверх нежный аромат цветов. И вдруг пошел дождь. Он был несильный, принес с собой свежесть и успокаивающий шум капель в кронах деревьев. Минут десять я сидела без движения, наслаждаясь покоем. Дождь стал стихать и, наконец, выглянуло солнце. Сад мгновенно преобразился, тысячи мелких капель заиграли под яркими лучами. Деревья и трава были словно усыпаны алмазной крошкой. Мой взгляд привлекла длинная паутинка, унизанная каплями, как драгоценными бусинами. Она тянулась от ствола дуба и терялась в тени дома.

Странно, подумала я, какая-то она неподвижная, эта паутинка. Мысль засела в голове как заноза и испортила очарование момента. Меня заело любопытство. Я положила книгу на скамейку, разулась, и прямо по мокрой траве отправилась осматривать чудо природы. Подойдя ближе, я поняла, что это вовсе и не паутинка. От ствола дуба прямо к дому тянулась тонкая рыболовная леска. Я потрогала ее рукой, стряхнув завораживающие капли. Никакого сомнения — тонкая крепкая леска. Немного подумав, я направилась вдоль нее, как по нити Ариадны. Путеводная нить привела меня к одному из окон и скрылась в узенькой щели, нырнув в комнату. Интересно в чью?

Я огляделась и определила, что стою у левого крыла дома. Значит, это хозяйские комнаты. У Натальи я уже была и, вспомнив расположение, поняла, что это не ее окно. В остальных комнатах я пока не была. Тогда необходимо восполнить этот пробел. Я знала, что Ольга расстилает хозяевам кровати перед сном, а потом заправляет их утром. Делает она это тогда, когда в комнатах уже никого нет. Надо этим воспользоваться. Я вернулась в беседку, обулась, забрала книгу и помчалась искать Ольгу. Нашла я ее в столовой за вышиванием и просто опешила от такого зрелища. Редко сейчас увидишь молодую девушку с вышиванием в руках. Я подошла и заглянула ей через плечо. Толстая ветка с зелеными листьями и тремя крупными красными яблоками была уже почти готова. Перед Ольгой лежал рисунок и она поминутно сверялась с ним. Я замороженно следила за иглой и вздрогнула, когда Ольга оглянулась.

— Таня? Я тебя не заметила. — смутилась она и попыталась прикрыть вышивание бумажкой.

— Нет, нет, не убирай. — попросила я поспешно. — У тебя так здорово получается.

— Может быть и здорово, но так, как вышивала моя мама, у меня никогда не получится. Я тебе как-нибудь покажу.

— С удовольствием посмотрю. — искренне сказала я. — А у меня к тебе просьба.

— Пожалуйста. — с готовностью откликнулась добродушная Оля.

— Ты будешь сегодня расстилать кровати вечером?

— Да, как всегда.

— Не могла бы ты взять меня с собой? Очень хочется взглянуть, какая там обстановка. — изобразила я любопытство и добавила. — А я тебе помогу.

— Конечно, пошли. Я тебя позову, когда будет пора.

Девушка ничуть не удивилась, ведь любопытство — это так близко простой русской душе.

Вечером все семейство собралось в холле, Илья в том числе. Не знаю, чем они там занимались но я посчитала себя свободной и смело пошла с Ольгой стелить постели. Первая комната была Натальина. Хоть я и была тут раньше, но осмотреться получше не мешало. На туалетном столике возле кровати теснилось много различной косметики и, среди прочего, я заметила флакон духов, конечно, сиреневого цвета. Название прочесть я не смогла, но понюхать успела — сладковатый запах увядающих цветов. Странно, что молодая женщина выбрала для себя такие духи.

Следующей мы готовили комнату Анны. Вот уж кого не назовешь куклой — обстановка почти аскетическая, никаких рюшечек, подушечек, занавесочек. Строгие шторы, такое же покрывало, минимум косметических средств. Я обследовала окно, делая вид, что поправляю шторы, но лески здесь не было. Чтобы сильно не наглеть, ведь я обещала помочь Ольге, пришлось взять в руки подушку и слегка ее взбить. Неожиданно из наволочки выпал непонятный комоч сиреневого цвета. Я развернула материю и поняла, что у меня в руках шарфик, изящно расшитый серебром и отделанный бахромой. Знакомый запах духов ясно указывал на то, что шарфик носила Наталья. Как интересно — наша суровая Анна оказалась фетишисткой. Я свернула шарфик и засунула назад в наволочку.

Мы с Олей перешли в комнату Олега. Я сразу же подошла к окну и почти не удивилась, когда увидела леску. Конечно, если не знать о ее существовании, то ни за что не заметишь. Делая вид, что разглядываю интерьер, я прошла вдоль лески и обнаружила, что другой ее конец прикреплен к маленькому рычажку на большом бра, висящем в изголовье кровати. Оглядевшись, я не обнаружила в комнате еще какого-либо источника света. Бра работало от выключателя у двери и еще одного возле кровати. Все это я узнала, пощелкав кнопками выключателей. Рычажок проверить уже не удалось, потому что Ольга закончила свою работу и ждала меня у двери. Больше я с ней никуда не пошла, сославшись на то, что пора укладывать мальчика спать. Действительно проведив Илью в его комнату и пожелав ему спокойной ночи, я решила прогуляться по улице и собраться с мыслями. Поискала Чифа, чтобы не бродить одной в сумерках, но его нигде не было. Лентяй! Лежит где-нибудь и лапы тянет.

Выйдя за ворота, я огляделась и решила, что пойду в сторону, противоположную от озера. Там я еще ни разу не была. Я уже двинулась по дороге, как сзади послышалось тяжелое дыхание и что-то подбило меня под колени. Этого еще не хватало. Я испуганно обернулась и увидела рядом с собой Чифа с радостно высунутым языком.

— Ну ты даешь! — сказала я ему. — Откуда ты, прелестное дитя?

— Чиф оглянулся назад и снова радостно вывалил язык. Я посмотрела туда же и увидела, что к нам приближается Олег.

— А я-то думаю, куда он так рванул. — смеясь, Олег потрепал Чифа по загривку. — Ты

гуляешь что ли?

Да, решила пройтись в ту сторону, я там еще не была.

— Можно присоединиться?

Он еще спрашивает! Да у меня внутри все дрожит, как у девочки на первом свидании. Если бы он не предложил сам, то я бы не удержалась и навязалась ему в спутницы. Мы медленно пошли рядом, образовалась небольшая пауза, и меня будто за язык кто дернул.

— А Наталья не обидится, если увидит нас с тобой на прогулке? — брякнула я.

Олег внимательно посмотрел на меня, отчего я сильно смутилась, а потом произнес слова, заставившие меня остолбенеть.

— Ей совершенно наплевать на то, где я гуляю и с кем. Как, собственно, и мне на нее наплевать.

Произнося это, Олег по инерции сделал несколько шагов и только потом заметил, что я изображаю свою собственную статую в полный рост.

— Ты чего? — настороженно спросил он, возвращаясь ко мне.

Я сбросила с себя оцепенение и медленно двинулась вперед.

— Тань, ты чего? — повторил он.

— Понимаешь, глупо это все, наверное, но мне казалось, что при таком богатстве и внешнем благополучии как у вас, внутри семьи тоже все должно быть в порядке.

— Конечно, глупо. — усмехнулся Олег. — Ну при чем тут богатство? Это антураж, приятное дополнение, а любовь и взаимное уважение должны быть вне всего этого. Должны быть, но такое редко случается.

Олег вздохнул, замолчал ненадолго, а потом добавил.

— У меня однажды такое было.

Ревнивый укол в сердце заставил меня вздрогнуть, но я справилась с собой и, как можно спокойнее, спросила.

— О чем ты?

Олег внимательно посмотрел на меня, как будто решал, стоит ли со мной вообще связываться. А после я услышала интересную историю, давшую толчок всем последующим событиям в мелодраме под названием «Как я служила гувернанткой».

— Она была чем-то похожа на тебя. Немного внешностью, а в основном манерами. Я сразу это понял, когда в первый раз пообщался с тобой.

Нам было по двадцать лет, я только пришел из армии и отгуливал свои законные две недели, навещая всех знакомых, кого только смог застать в это время в городе. Она жила по соседству с моим одноклассником и зашла к нему в гости, когда мы сидели на кухне и пили пиво. Сначала я был раздосадован, сама понимаешь, посторонний человек помешал нашим с Костей воспоминаниям, но через десять минут я благодарил судьбу за эту встречу.

Она была общительная, остроумная, веселая и, вместе с тем, трогательно застенчивая. От друга мы ушли вместе и прогуляли по улицам весь оставшийся день. Я влюбился сразу и бесповоротно. Через неделю мы стали близки и это добавило в наши отношения еще больше нежности и взаимопонимания. Она жила с матерью, отец давно ушел от них, и я оказался единственным мужчиной, близким к их семье.

Мои родители считали, что прежде, чем создавать свою семью, я должен хоть немного опереться. Таня считала также. (Я вздрогнула — вот это совпадение! Хотя, мне ли удивляться, имея в подругах полную тезку). Я устроился сторожем в больницу, где моя мать работала операционной медсестрой в родильном отделении. Параллельно поступил на заочное в юридический. Все складывалось отлично и родители начали потихоньку готовиться к свадьбе. И вдруг радостная новость — Таня забеременела. Все были на седьмом небе. Со свадьбой следовало поторопиться, чтобы ребенок появился на свет законно. Но вдруг Таня почувствовала недомогание. Моя мама договорилась с кем нужно и Таню положили в ее отделение. Со свадьбой пришлось подождать, да это уже было не так важно. Главное — это здоровье Тани и будущего ребенка.

Она так и не вышла из этой больницы. Умерла через пять минут после того, как на свет появился наш Ильюшка. Какой-то чертов тромб оторвался и закупорил артерию! Ничего нельзя было сделать. Это я сейчас все так правильно понимаю. После того, как провел сотню бессонных ночей у кровати сына и массу тягостных вечеров в разговорах с мамой, когда она пыталась объяснить мне причину моего несчастья. Я наизусть выучил главу из медицинского справочника, где описывались симптомы болезни, стубившей мою Танечку. Не сразу я понял, что никто не виноват в случившемся. А так хотелось кого-нибудь обвинить, чтобы хоть немного заглушить боль утраты. Это счастье, что Господь не позволил мне обратить свое отчаяние против сына. Он был так похож на меня. Таня любила бы нас одинаково сильно, значит, я должен был дать ему в два раза больше любви.

Танина мама пережила дочь всего лишь на год. Наверное, убедилась, что ее внуку хорошо с нами и поторопилась к Тане, чтобы рассказать ей об этом.

Когда Илье исполнилось два года, он подхватил сильную простуду. Я вызвал врача, и так в нашем доме впервые появилась Наталья. Она только что закончила мединститут и выглядела как легкомысленная кукла с большими наивными глазами (Она и теперь кукла, только со стервозными глазами, неприязненно подумала я). Моя мама уже не раз подступалась ко мне с разговорами о том, что Илье нужна мать, а мне женщина, которая бы о нас заботилась. Я понимал, что она права, но тянул с этим. Тем более, в поле моего зрения не было никого, способного на такое самопожертвование. Наталья тоже не завладела моими мыслями, но все решил Илья. Он восхищенно смотрел на тетю доктора, как на дорогую

говорящую куклу и тянулся потрогать ее белокурые локоны.

В то время я уже работал юристом в одной солидной фирме, хотя еще не получил высшего образования — друг помог устроиться. Зарабатывал я прилично, но совершенно не думал о себе, как о выгодной партии. А меня, оказывается, расценивали как завидного жениха, несмотря на ребенка. Если бы я понял это раньше, то Наталье не удалось бы меня так ловко провести. Я не любил ее, но ценил то, что ребенок так тянется к ней. Она приходила к нам все чаще и чаще, играла с моим сыном, помогала мне по хозяйству, приносила моему отцу кроссворды, которые он так любил разгадывать. В общем, метила территорию, как самка в лесу. Физиология взяла свое — я сдался. Тогда мне казалось, что отсутствие любви — это не так уж и страшно, главное, чтобы у Ильюшки была мать. Кстати, к тому времени он ее именно так и называл.

Мои доходы позволяли мне купить однокомнатную квартиру и мама с отцом решили, что перейдут туда жить, а нам оставят свою трехкомнатную. Так и сделали, а перед самым переездом родителей мы с Натальей поженились. Я очень боялся, что она захочет настоящую свадьбу с фатой и кучей гостей, но обошлось. С ее стороны были Клавдия Васильевна, Анна и две подруги с мужьями. Родители Натальи жили на Севере и, как я понял, уже давно отделились от своих дочерей, оставив им двухкомнатную квартиру и няню. На нашу свадьбу они прислали стандартное поздравление с готовым текстом и вписанными от руки нашими именами. До самой их смерти я так ни разу с ними и не встретился. Думаю, что это было к лучшему.

Наталья перестала притворяться сразу же, как мы остались в квартире втроем. Стало очевидным, что общение с ребенком было лишь заигрыванием. Она не обижала Илью, но перестала скрывать свое равнодушие к нему. Через две недели она попросила у меня разрешение на переезд в нашу квартиру Клавдии Васильевны. Я подумал и решил, что так для всех будет лучше. Натальина няня неплохая женщина и к Илье относилась с большей теплотой, чем новоявленная мамаша.

Когда Клавдия Васильевна появилась в нашем доме, я многое понял про Наталью. Изнеженное и капризное существо, не любящее никого, кроме себя драгоценной. Полное равнодушие к окружающим можно было ошибочно принять за спокойный и уравновешенный характер. Няня потакала ей во всем — баловала и холила, как малого ребенка. Смешно было смотреть, как держа на руках Илью, она ласково выговаривала своей любимой Натальюшке за то, что та вышла из ванной комнаты босиком.

Странно было вспоминать, что еще год назад мы спали с Натальей в одной постели. А ведь именно тогда она предложила обменять нашу трехкомнатную и их с Анной двухкомнатную на одну большую квартиру и жить всем вместе. Я особенно не удивился, ведь Анна была не замужем и, судя по всему, не собиралась. Большую часть свободного времени она итак проводила в нашем доме, так что ничего не изменится, если мы поселимся вместе. Но я ошибался.

Обменом занималась сама Наталья и довольно скоро мы переселились в пятикомнатную квартиру, доплатив при этом совсем немного. Первым сюрпризом для меня было распределение комнат. Клавдия Васильевна и Илья заняли большую спальню с двумя окнами. Анна поселилась в угловой комнате, гостиная стала общей, а вот мы с Натальей оказались хоть и рядом друг с другом, но в отдельных небольших спальнях. Объяснила она это тем, что устает на работе, что свет от моей лампы мешает ей заснуть, что я храплю во сне и еще много всякой чепухи. Могла бы не утомлять себя перечислением, потому что я был

не против нашего раздельного проживания. В первую очередь потому, что Илья стал приходиться перед сном в мою комнату и мы подолгу беседовали. Я понял, что чуть было не удалился от сына, предоставив все заботы о нем чужим, по сути, людям.

Физическая близость с Натальей закончилась в тот же момент, как появились отдельные комнаты. Ей каким-то образом удалось заразить меня своим равнодушием, и я решил, что мне уже больше никто не нужен.

Вторым сюрпризом для меня стал уход Натальи с работы. Столько лет положить на учебу в медицинском институте, чтобы потом осесть дома, валяться до полудня в кровати и ничего не делать. Для меня это было непостижимо.

Десять месяцев назад нас известили о том, что родители Натальи и Анны трагически погибли под колесами грузовика. Они стояли на обочине дороги, а водитель был сильно пьян. Так и свез их обоих бампером — страшное дело.

Сестры съездили на Север, похоронили родителей и вернулись с интересной новостью. После всех юридических процедур через полгода они становятся наследницами приличного состояния. После ряда «семейных» советов было решено, что я добавляю деньги и мы покупаем загородный дом. Так наше семейство и оказалось в этих местах. Как ни странно, но нам всем, без исключения, здесь нравится. Только, наверное, по разным причинам. И все бы хорошо, если бы не мое странное недомогание и ночные галлюцинации. Иногда это меня пугает.

Я была ошеломлена исповедью Олега. Боже мой, какая трагедия! Причем, трагедия потери любимого человека плавно перетекла в трагедию жизни с нелюбимой женщиной. И теперь я всем сердцем чувствовала, что для Олега это еще далеко не закончилось. Мне захотелось обнять его и распуścić над ним крылья, как над птенцом, чуть не выпавшим из гнезда. Но я не позволила себе ничего такого, прежде всего из-за того, что Олег не птенец. Птенец — это Илья. Это он нуждается в надежном гнезде, где он будет в безопасности.

— Получается, что эти виртуальные коридоры в доме не твоя затея? — спросила я, чтобы не молчать.

— Забавная планировка, да? Я в этих коридорах чувствую себя странно, а иногда мне кажется, что это отголоски ночных галлюцинаций.

— Нет, все так и есть. Твой сын, кстати, тоже это чувствует.

— А Наталья, когда я спросил ее про коридор, сказала, что не видит в нем ничего необычного, просто мне все это кажется.

В моей голове зашевелились некие тревожные мысли, но я не смогла поймать ни одну из них. Все на уровне ощущений и предчувствий. Вдруг я поняла, что уже давно наступила ночь и пора идти спать. Говорить больше ни о чем не хотелось, а вот подумать в спокойной обстановке было о чем.

Мы вернулись в дом и разошлись по своим спальням. При ярком освещении холла потускнел романтический флер нашей совместной прогулки и я почувствовала неловкость, от того, что вторглась в жизнь Олега, благодаря лишь стечению обстоятельств. На моем месте должна была быть Танюша. Уже лежа в постели, я сделала в памяти зарубку, чтобы не забыть завтра проверить, для чего же протянули леску в спальню Олега.

С утра в доме воцарилась тишина. Олег с Николашей уехали в город, прихватив с собой дядю Павла, которому нужно было купить какой-то инструмент.

Неожиданно, перед самым завтраком, в нашей столовой появился Илья и попросил разрешения позавтракать с нами.

— А ... мама не будет против? — споткнулась я на фальшивом слове и тут же отругала себя за это. Нельзя так распускать свои эмоции!

— Нет, не будет. — сказал Илья, устраиваясь за столом. — Им с тетей Аней надо поговорить, а я мешаю.

После завтрака встал вопрос, чем же нам с Ильей заняться? Правда, меня волновал еще один вопрос — как попасть в комнату Олега? И тут все разрешилось наилучшим образом.

— Теть Тань, а вы в шахматы играете?

— Ты хочешь вызвать меня на дуэль? — шутливо приняла я защитную стойку.

— Да! — рассмеялся Илья.

— Принимаю вызов! Пешки, к бою! — издала я боевой клич.

— Шахматы у папы в комнате, я сейчас принесу. — Илья сорвался с места.

— погоди, погоди, пойдем вместе. — кинулась я за ребенком, мысленно потирая ладони.

Пока Илья двигал ящики письменного стола в поисках шахмат, я, как бы невзначай, приблизилась к светильнику на стене и включила его. Илья не отреагировал, я осмелела и тихонько потянула за леску, привязанную к рычажку. Свет лампочек начал тускнеть. Я потянула еще — свет стал еле заметным. Ну, и в чем тут фишка? Обыкновенный рычаг для регулировки яркости. Странно все это.

— Нашел! — громко сказал Илья, а я подпрыгнула, настолько увлеклась своими мыслями.

— Ну, тогда пошли к барьеру. — продолжила я тему дуэли, а сама подумала, что нервишки мои начали пошаливать.

Мы уселись в холле, по-честному разыграли цвета и начали партию. По первым же ходам я поняла, что не стоит надеяться на легкую победу, так как с матом в три хода Илья был знаком и правильно выставил защиту. После десятиминутного пыхания и сопения я выиграла. Илья покраснел, но сдержался. Молодец парень, умеет проигрывать, а это большой плюс при его неокрепшем характере. Я ждала, предложит ли он реванш. Предложил — тоже молодец. Мы начали вторую игру и через пять минут я поняла, что снова выигрываю. Илья еще не видел этого, а я уже просчитала всю безнадежность его поползновений на мою территорию. Быть бы ему опять битым, если бы не Чиф. Этот ньюфаундлендский водолаз подошел к столику и неожиданно положил свою огромную лапу прямо в центр доски. Фигуры разлетелись, мы возмущенно заорали, а Чиф решил, что это какая-то новая игра и радостно подпрыгнул на месте аж на целых два сантиметра. Илья кинулся на спину собаки, обхватил пса за шею и началась борьба. Вернее, боролся Илья, а Чиф завел глаза к потолку и покорно ждал, когда молодой хозяин перестанет по нему ползать.

Я смеялась до слез и нам было очень весело, пока из коридора не показались Наталья с Анной. Наталья строго посмотрела на нас и веселье тут же стихло.

— Неплохо бы ребенку погулять. — произнесла она в пространство, но было понятно, что это приказ.

Илья поднялся с пола, я натянула ему бейсболку на макушку и мы все трое отправились на прогулку. Когда Чиф проходил мимо Натальи, я услышала, что он издал короткий, приглушенный рык. Однако! Милашка Чиф огрызается на хозяйку!

Мы вышли на улицу и остановились в нерешительности. Нас так быстро выставили из дома, что надо было еще решить, куда податься. Вдруг из-за соседнего забора раздался голос.

— Здравствуйте, молодые люди! Позвольте пригласить вас на чашечку чая.

Это был он — Юнлен Семенович. Тот самый «юный ленинец», который любит подглядывать в подзорную трубу. Интересно, меня он тоже причислил к молодым людям или это были по-прежнему Илья и Чиф?

— Здравствуйте. — ответила я. — А можно прямо с собакой?

— Конечно, для него у меня найдется печенье.

Чиф, не дожидаясь повторного приглашения, по-хозяйски вошел в открытую калитку, а мы последовали за ним.

Через пять минут все уже сидели за столом на веранде и пили чай с восхитительным клубничным вареньем нынешнего урожая. Юнлен Семенович оказался забавным и приятным собеседником. Он с удовольствием рассказал мне о внуке. Своей жизнью пенсионер был доволен, внуком гордился и все у него было хорошо. Редко встретишь таких благополучных пенсионеров, побольше бы их было. Осоловев от выпитого чая и съеденного варенья, я слушала в пол-уха, но одна фраза Юнлена Семеновича заставила меня встрепенуться. Он обращался в большей степени к Илье.

— Хочешь посмотреть в подзорную трубу?

— Да, очень. — назально влезла я.

Хозяин повел нас в мансарду по крутой лестнице. Это было помещение, используемое как чердак. Сломанные стулья, старые рамы от картин, два сундука — все это было свалено в дальнем углу. Я с трудом преодолела тягу к старым вещам и пошла вслед за всеми к открытому окну. Илья уже держал в руках подзорную трубу и примерялся к ней глазом.

— Вот это да! Здорово! Как все близко! — восхищенно восклицал мальчишка, водя трубой из стороны в сторону.

Юнлен Семенович сиял от гордости за свое хобби, кстати, довольно сомнительное, с точки зрения морального кодекса. Когда Илья вдоволь насмотрелся, трубу взяла я. Взглянув в окуляр, я готова была повторить восклицания Ильи. Действительно, все было очень близко. Вот беседка, в которой я пыталась читать, правда, она была видна не полностью — забор загораживал. Я нашла нужный мне дуб и вознамерилась отыскать леску. Нет, слишком тонка. Если бы не капли дождя, то я бы ее и вблизи вряд ли заметила. Зато прекрасно видно, что делается в комнатах, если шторы не задернуть.

Я отняла от глаза трубу и многозначительно посмотрела на хозяина. Он же сделал вид, что совершенно не понимает моего взгляда. Я положила трубу и вежливо поблагодарила. Распрощавшись с гостеприимным хозяином, мы двинулись на озеро и купались там до обеда.

Послеобеденный отдых утопил в сонной тишине всю усадьбу — самое время побродить осторожненько и осмотреться. Я пришла под знакомый дуб, убедилась, что леска все еще на месте и начала обход других деревьев, делая вид, что просто прогуливаюсь. Говорят, новичкам везет, а то, что я в сыщицком деле новичок, не вызывает сомнений.

Под третьим же деревом мое внимание привлек металлический блеск в сочной зеленой траве. Отдаю себе должное — я не кинулась разгребать стебли, радостно урча, а села под дубом с разморенным видом. Через минуту посмотрела на интересующий меня предмет. К моему удивлению, это был маленький вентиль, насаженный на тонкую, едва заметную в траве, трубку, уходящую опять таки в сторону дома. Видимый мне конец трубки заканчивался втулкой, к которой что-то нужно было подсоединять.

Я встала и медленно пошла вдоль трубки, как днем раньше вдоль лески, и не удивилась, когда трубка привела меня к окну спальни Олега. Только исчезала она не в щели окна, а

прямо в стене, почти у самой земли. Мне определенно требовалось снова побывать в этой комнате и отыскать место, где трубка выходит из стены. Я упрямо обошла оставшуюся территорию сада и прогулялась вдоль внешней стены дома, хотя уже было понятно, что все эти странные коммуникации были подведены только к комнате Олега и никуда больше.

Я вернулась в холл и начала думать, как бы снова заманить Илью в комнату отца. Мой взгляд упал на разбросанные шахматы, которые почему-то никто до сих пор не убрал. Ну и отлично! Ведь их нужно вернуть на место. Я собрала фигурки в доску и стала с нетерпением ждать Илью. Он появился довольно скоро, как будто почувствовал мое нетерпение.

— Илюша, пойдем, отнесем шахматы в папину комнату.

— Пойдемте, тетя Таня, а я вам заодно кое-что покажу.

Если это «кое-что» касается Олега, то я с удовольствием посмотрю. Мы гуськом двинулись по коридору, синхронно замедлив шаги возле Натальиной комнаты, чтобы нас не услышали. Я усмехнулась — нам одинаково не хотелось попадаться ей на глаза. Бедный ребенок инстинктивно избегал свою мать, наверное, чувствуя, что она мачеха.

В комнате Илья сразу же пошел к письменному столу, чтобы положить шахматную доску в ящик, а я направилась к окошку. Нагнувшись, я пошарила взглядом возле плинтуса и быстро обнаружила срез трубки — если не знать, то можно вообще ничего не заметить. Кто-то славно поработал, пряча все концы. На ум пришел дядя Павел с его набором инструментов.

— Вот, смотрите. — возле меня стоял Илья и протягивал какую-то фотографию.

На ней была молодая девушка лет двадцати, очень милая, улыбчивая и чем-то смутно знакомая. Где же я могла ее видеть? Среди моих приятельниц не было таких молоденьких. Илья выжидательно смотрел на меня.

— Кто это? — спросила я.

— Моя мама. — ответил он.

Я еще раз взглянула на девушку. Ерунда, она совсем не была похожа на Наталью, даже в молодости. Что он, разыгрывает меня что ли?

— Это моя настоящая мама. — услышала я и остолбенела. — Она умерла, когда я родился.

Боже мой, Олег не смог один нести свое горе и переложил часть его на плечи сына! Как это неумно и немилосердно.

— Давно ты об этом знаешь? — спросила я мальчика.

— С семи лет, а вы? — проницательно прищурился он.

— Со вчерашнего вечера. Мне твой папа рассказал.

— Вы на нее похожи. — тихо проговорил Илья, забирая у меня фотографию.

Конечно же! Олег тоже говорил мне об этом. Так вот откуда чувство, что я ее где-то видела. А ведь и правда, определенное сходство было.

Илья выдвинул ящик стола и бережно убрал туда фотографию. Меня очередной раз кольнуло чувство жалости, так несчастно выглядела его фигурка. Я подошла и приобняла мальчишку за плечи.

— Если хочешь, мы могли бы поговорить о ней. — тихо сказала я.

— Не знаю. Папа говорит, что не стоит часто тревожить умерших. Мы с ним на кладбище ходим только два раза в год — когда пасха и в день моего рождения.

Я было удивилась, но тут же вспомнила, что день смерти его мамы совпадает с днем его рождения. Бедный парень, сможет ли он когда-нибудь не думать о грустном в свой

собственный праздник? Может быть да, ведь детская психика имеет способность не закреплять события, свидетелем которых ребенок не был, а легкая грусть в день рождения неизбежна, даже для самых безмятежных натур.

Понимая, что Илью пора отвлечь от грустных мыслей, я увела его на улицу и затеяла игру в бадминтон. В самом разгаре сражения на крыльце появились Наталья с Анной и направились к калитке, даже не взглянув в нашу сторону, что нас не очень-то расстроило, честно говоря. Я только отметила про себя, что уж слишком сестры неразлучны.

Через некоторое время выглянула Клавдия Васильевна и позвала Илью пить молоко. Я осталась одна и решила тоже выйти за калитку. Оказавшись на улице, я успела заметить, как вдалеке за поворотом скрылись Наталья с Анной. Но не я одна смотрела вслед сестрам — у своей калитки стоял Юнлен Семенович и тоже провожал их глазами. Оглянувшись, он увидел меня, но ничуть не смутился, как можно было ожидать, а наоборот направился в мою сторону. Я сделала несколько вежливых шагов навстречу и мы остановились возле забора.

— Наблюдал, как прогуливаются наши дамочки. — обезоруживающе сознался он.

— И часто вы так ... наблюдаете? — спросила я, бросив выразительный взгляд на окно мансарды, которое было хорошо видно.

Но «юного следопыта» не так-то просто было смутить. Незамутненная вера в правильности любого своего поступка сквозила в чистом взгляде строителя коммунизма.

— Зря вы так, Танечка, ведь я не делаю ничего плохого. — тут же попытался он загрузить мою совесть.

— Тогда хотелось бы знать, что в этом хорошего. — парировала я.

— А это, как посмотреть. — хитро прищурился Юнлен Семенович.

— Через подзорную трубу, конечно. — продолжала я беззлобно доставать пенсионера.

— Зря вы так. — снова посетовал он, ничуть при этом не огорчившись. — Может от этого и польза какая-нибудь будет.

— Например? — удивилась я полному отсутствию чувства стыда у пожилого человека.

— А что вы скажете, если я сообщу вам, что наша дражайшая Анна частенько подглядывает в окна спальни Олега Константиновича и Наташеньки? Причем, когда они там вместе. Стоит то под одним, то под другим дубом и бесстыдно смотрит. Это как, хорошо? — запальчиво спросил сосед. — Наташенька, наверное, инстинктивно чувствует, что за ними наблюдают и все время подходит к окну. А когда сама Анна вечерами к ней в комнату приходит, то Наталья даже шторы задергивает. Она же не знает, что та, которая за ней следит, в этот момент находится с ней в комнате. Следить-то некому.

— Кроме вас. — не удержалась я.

— А мне через шторы ничего не видно. К тому же, я у себя дома — что хочу, то и делаю.

— А ведь и правда, Юнлен Семенович, мой дом — моя крепость.

Я решила не ссориться со стариком, авось он еще пригодится. Дело-то становится все интересней и интересней. Мы мирно расстались, кивнув друг другу на прощание, и я вернулась во двор, где увидела Чифа, который наблюдал, как его молодой хозяин швырял палку, орал диким голосом «Взять!» и сам же, отчаявшись, бежал за ней. Интересно, кто кого дрессирует?

Время подходило к ужину и я с легким душевным трепетом ждала приезда Олега. Он обещал гулять с нами каждый вечер, но захочет ли после вчерашних откровений? Может уже сто раз пожалел, что рассказал полужнакомой девице свою историю.

Но опасения оказались напрасными. Открылись ворота, въехала машина и встала у

крыльца. Олег вышел и тут же направился в нашу сторону — не ко мне, конечно, а к сыну. Но я-то тоже была рядом.

— Всем добрый вечер. — весело сказал Олег, теребя висящего на нем Илью. — Как прошел день?

— Хорошо! — смеясь ответил Илья, а я просто молча улыбалась. — Тетя Таня обыграла меня в шахматы.

— Да ты что? — Олег с интересом посмотрел на меня.

— Она хорошо играет. — похвалил меня мальчик.

— Проверим как-нибудь. — пообещал Олег и посмотрел на меня так, что я поняла, если дело когда-нибудь дойдет до проверки моих способностей, то шахматами тут не ограничится. Сердце забилось и глупая надежда зашевелилась в груди.

— Пап, вечером идем гулять вместе?

— А как же? Я ведь обещал. После ужина и пойдем. А сейчас, если тетя Таня не против я заберу тебя с собой.

Илья оглянулся на меня, и я махнула ему рукой. Отец с сыном направились в дом, я же пошла к себе. Переодевшись, я решила посидеть в холле, пока не позвали ужинать. Вдруг быстрым шагом холл пересекла Клавдия Васильевна и скрылась в нашем крыле. Меня она не заметила. Что могло случиться? У нее был такой озабоченный вид. Через пару минут она также быстро вернулась и скрылась в противоположном крыле. Я заволновалась, но сочла за лучшее не соваться в дела семейные. Шаги по коридору стихли, но я продолжала напряженно прислушиваться. Неожиданно раздался голос Анны.

— Клава, ты чего разбегалась?

Наверное, сестры вернулись, пока я переодевалась. И тут до меня дошло, что я сижу в том же самом кресле, что и прошлый раз, когда невольно услышала разговор Натальи и Олега.

— Анна! — почему-то строго сказала Клавдия Васильевна. — Илье снова плохо, его сейчас даже вырвало.

— Ну и что, ничего неожиданного. — ответила Анна. — Ты не забыла, Наталью нельзя беспокоить по пустякам!

— Господи, ну неужели тебе ребенка не жалко? — простонала Клавдия Васильевна.

— Хватит ныть! — прикрикнула Анна. — Уже ничего не сделаешь! Он тебе что, дороже Наташки? Так и скажи — я ей передам. Без тебя спокойней будет!

— Что ты, Анечка! — спохватилась няня. — Да дороже Натальюшки у меня и нет никого. Ради нее живу! Ты же знаешь!

— Не ори, знаю. Знаю, что меня ты терпеть не можешь с самого детства.

— Что ты такое говоришь, Анечка, вы обе мои кровиночки. — лепетала Клавдия Васильевна, но даже я слышала фальшь в ее заверениях, а уж Анна и подавно.

— Иди уж, любвеобильная ты моя. — прогнала ее «кровиночка». — Да смотри, Наташке ни слова! Пацан где?

— У Олега в комнате.

Я вжалась в кресло и замерла. Из коридора приближались шаги. Все, сейчас меня заметят и вышибут из дома без выходного пособия. А не хотелось бы. Что-то здесь пакостное происходит. В холле показалась Анна и прошла мимо меня, бормоча под нос.

— Оба в комнате — это кстати.

Меня она не заметила и вышла в сад через задние двери. Что же меня никто не видит,

ослепли что ли? Я огляделась. Ага, вот в чем дело — торшер возле моего кресла не был включен и я оказалась в тени. Тем лучше, а сейчас пора посмотреть, что там делает Анна. Я вышла через парадную дверь и обогнула дом слева. Осторожно высунувшись из-за угла, я сразу же увидела Анну, присевшую возле дуба, ровно в том месте, где я нашла трубку с вентилем. В руке она что-то держала, но с такого расстояния я не видела, что именно. Эх, трубу бы сейчас подзорную! Я непроизвольно посмотрела в сторону соседской мансарды. Конечно! Как же иначе! Юлен Семенович на своем посту, аж высунулся из окна, чтобы лучше видеть. Того гляди вывалится. А ведь ему, пожалуй, и правда видно, что там у Анны в руке. Надо будет потом прижать старичка, пусть колется на благо социалистической Родины и Коммунистической партии. Я осторожно отступила за угол, пока меня не заметили, и вернулась в холл.

Все-таки я очень тревожилась за Илью, но не идти же к Олегу в комнату. Еще нарвусь там на Наталью, вот будет весело. Но мне не пришлось долго мучиться — послышались шаги и в холле появились отец с сыном. Илья был бледен, но в остальном выглядел нормально, а вот Олег казался очень встревоженным. Он кинул на меня быстрый взгляд и указал глазами на Илью.

— Я знаю. — кивнула я. — Что будем делать?

— Гулять пойдем! Мы же собирались. — вскинулся Илья, а я вопросительно взглянула на Олега.

— Конечно пойдем. — сказал он, и я обрадовалась также, как Илья. — Но сначала на ужин.

Мы расстались на сорок минут, после чего снова встретились в холле. Возле калитки нас уже ждал верный Чиф. Сегодня мы решили обойти поселок с другой стороны. К Илье после ужина вернулись краски и он уже не выглядел таким бледным и утомленным.

— Ох, не нравится мне все это. — сказала я, кивая в сторону мальчика, обогнавшего нас шагов на десять.

— Что странно, так это одинаковый характер недомогания у меня и у него. — согласился со мной Олег.

— А мне и само недомогание кажется подозрительным. Может быть расскажешь подробнее? — попросила я.

Олег пожал плечами и вздохнул.

— Началось это весной. Я как раз впервые остался здесь в доме ночевать, а на работе мне стало плохо. Я сначала подумал, что это от избытка свежего воздуха — для нас городских он бывает поначалу вреден в таких количествах. Дней через пять снова такой же приступ. Потом через неделю при мне стало плохо Илье. Он, вообще-то, на здоровье до тех пор не жаловался, и я подумал, что парень просто перекупался и не придавал этому особого значения. А тут мне Николай сказал, что у Ильи было уже четыре приступа. Один, как я знаю, при тебе? — Олег посмотрел вопросительно.

— Да, на озере. Я, кстати, тоже подумала, что мальчик перекупался.

— Слушай, а может это у нас с ним на уровне генов? Мы ведь так похожи.

— Ага! И началось одновременно, только у тебя в тридцать с лишним лет, а у него в десять. Здесь что-то не так! К тому же ты говорил про галлюцинации.

— Да, но они не совпадают по времени с приступами.

— Кроме того, что Наталья бродит по твоей комнате ночами, какие еще видения тебя посещают?

Олег вдруг замолчал и я увидела на его лице досаду и смущение. Что это с ним? Я молча ждала ответа на свой вопрос. Наконец Олег произнес.

— Понимаешь, звуки всякие слышу и еще свет меркнет.

— Как это — меркнет? — удивилась я.

— Ну, сижу в комнате, читаю, например, а свет становится все тусклее и тусклее. Я сначала думал, что напряжение в сети падает, тем более, что на следующий день свет горел совершенно нормально. Несколько раз в это время ко мне в комнату заходила Наталья. Я ей говорю: «Снова напряжение упало». А она мне: «Ты о чем?». Я говорю: «Видишь, свет тусклый стал?», а она мне: «Не говори ерунды, все нормально, свет как свет». И смотрит при этом на меня так озабоченно и, как бы, настороженно. Получается, что я вижу как свет меркнет, а она нет. Со звуками то же самое.

— А что со звуками?

— Вдруг в комнате слышен какой-то вой, опять же при Наталье. Я ей говорю, а она головой мотает, мол, ничего не слышу. Как думаешь, Тань, может я с ума схожу? — жалобно спросил Олег.

— Сойдешь тут, пожалуй. — мрачно сказала я. — А хочешь, я тебе кое-что интересное покажу?

— Ты? — удивился он. — Ну покажи.

— Тогда нужно вернуться в ваш сад.

Олег ненадолго задумался, а потом позвал.

— Илья! Давай вернемся, в саду погуляем.

Видимо, Илье было все равно где гулять, и мы отправились назад. Оставив ребенка с собакой в беседке, мы с Олегом подошли к первому дубу. Я встала так, чтобы из окон дома Олега было не видно, он же с интересом следил за моими манипуляциями.

— А теперь подними голову и постарайся незаметно рассмотреть в воздухе тонкую леску. — сказала я.

Олег смешно скосил глаза и стал бессмысленным взглядом шарить в пространстве над моей головой. Если честно, вид у него при этом был придурковатый. Вдруг его взгляд сфокусировался и я поняла, что леска обнаружена.

— Вижу. — азартно зашептал Олег.

— Поменьше эмоций. — предупредила я. — Гуляем дальше.

Мы пошли к другому дубу. Я поставила Олега в нужное место и снова попыталась прикрыть его от любопытных глаз, но, увы, не от подзорной трубы Юного Ленинца, который исподтишка наблюдал за нами из своего окна. Вот неугомонный!

— Незаметно посмотри в траву у моей правой ноги. — скомандовала я Олегу.

Он чуть нагнул голову и послушно вгляделся. Минута прошла в молчании.

— А что это такое? — спросил Олег, а я скорее почувствовала, чем увидела его порыв нагнуться и рассмотреть поближе то, что он обнаружил.

— Осторожно! — прошипела я. — Рассмотрись как-нибудь потом, а теперь, поверь мне на слово, что это тонкая трубка с вентилем на конце.

— А зачем она? — спросил Олег, когда мы уже двинулись к беседке по большой дуге.

— Давай-ка мы пройдем в твою комнату и обсудим там все, так сказать, в первом чтении. — сказала я как можно серьезней, чтобы он не заподозрил меня в желании остаться с ним наедине. А желание, по правде говоря, было, да еще какое. Только я понимала, что сейчас Олегу не до этого.

— Пошли. — с энтузиазмом согласился он.

Мы забрали Илью с Чифом и направились к дому. Я не удержалась, поймала взглядом окуляр подзорной трубы и помахала Юнлену Семеновичу рукой. И что вы думаете? Этот соглядатай нагло помахал мне в ответ. Ну ничем его не прошибешь.

В холле Олег усадил Илью перед телевизором, достал из тумбочки видеокассету и вставил в магнитофон. По экрану побежали титры, раздались звуки выстрелов и мы для Ильи перестали существовать. Очень удобно — ребенок полтора часа в нокауте, а у нас свободное время.

В комнату Олега мы пробирались крадучись, видимо под впечатлением разворачивающихся детективных событий. А может быть и от сознания того, что при живой жене наш поход выглядит не совсем прилично. В комнате было темно и Олег включил бра. Оно светило ярко и меркнуть вроде бы не собиралось. Я подошла к окну, задернула шторы, встала возле светильника и задала риторический вопрос.

— Значит, говоришь, меркнет?

Олег кивнул, опустил в кресло и сделал такое выражение лица, как будто смотрел новую пьесу. Ну что ж, пожалуйста, вот вам и театральный эффект. Я подняла руку и медленно потянула за леску — свет начал тускнеть. Глаза Олега округлились, а потом он закричал.

— Ты видишь, видишь?! Снова меркнет! — и вопросительно уставился на меня.

— Вижу. — сказала я и отпустила леску.

Сработала возвратная пружинка и свет снова стал ярким.

— Что все это значит? — напряженно спросил Олег.

— Подойди-ка. — поманила я его.

Он послушался и встал возле меня, напряженно ожидая приговора — действительно ли он сошел с ума или еще есть надежда.

— Видишь леску? — спросила я. Олег присмотрелся и кивнул. — А теперь пошевели мозгами.

Я прошла, села в кресло, которое только что освободил Олег, и стала наблюдать. Он проследил куда тянется леска, увидел рычажок и осторожно потянул — свет потускнел. Олег отпустил леску — свет стал ярким. И так несколько раз. Затем Олег сел на кровать и задумчиво уставился в стену. После пяти минут размышлений, которым я никак не мешала, он сказал.

— Допустим, механизм понятен, но для чего это все? Прикол что ли такой дурацкий?

Если бы. — усомнилась я. — Когда-то в детстве моя мама пересказала мне содержание одного зарубежного детектива. Так вот там муж решил избавиться от своей жены именно таким способом.

Олег сидел с недоуменным выражением на лице, а я продолжила.

Правда светильники там были не электрические, а газовые. Он незаметно прикручивал рожек, а когда жена жаловалась, что ей не хватает света, говорил, что все это ерунда и ее выдумки. И при этом каждый раз добавлял, что, наверное, жена теряет рассудок. Бедная женщина действительно в это поверила и на самом деле сошла с ума, избавив тем самым мужа от своего присутствия.

— И зачем ему это было нужно?

— Просто тетенька была богата, а дяденька оказался очень жадным до денег. — пояснила я. — Ничего тебе не напоминает?

— Наталья? Да глупости все это! Зачем ей мои деньги, у нее всего в избытке. — растерялся Олег.

— Тогда ей может быть нужно что-то другое.

— Что, например?

— Откуда я знаю? — устало отмахнулась я. — Твоя жена — тебе и разбираться.

— Но она никогда не подходит к тому месту, где висит светильник.

— Ты забыл, что леска тянется сюда из сада? — раздраженно спросила я, подспудно не желая, чтобы он защищал свою жену. — К тому же у Натальи есть верная помощница — ее сестричка. Кстати, ваш милый сосед думает, что Анна подглядывает за вами, прячась в саду. Только мне кажется, что она там прячется, чтобы тянуть за эту пресловутую леску.

— Господи, но что им от меня нужно? — в отчаянии спросил Олег.

— Ты ведь уже задумывался над тем, что возможно сходишь с ума, верно?

— Да.

— Скажи, а сколько все-таки у тебя денег? — задала я бестактный вопрос, но Олег не обиделся.

— Живых не так уж и много. Почти все вложено в дом, квартиру, машину. Но на приличную жизнь я зарабатываю. Кстати, наследства тоже никакого не ожидается. — предварил он вопрос, уже готовый сорваться у меня с языка.

— Давай-ка я тебе еще кое-что покажу. — поднялась я и отодвинула штору возле плинтуса.

— Ну, а это что такое? — устало спросил Олег, разглядывая маленькую дырочку.

— А это звуки, которые слышишь ты, но не слышит Наталья. До смешного просто. Вот только наводит на мысль о серьезности намерений тех, кто все это сделал.

Олег смотрел на меня с мукой во взгляде.

— Ладно. — подвела я итог. — Думаю, для первого чтения обсуждение слишком затянулось. Информации к размышлению хоть отбавляй, вот давай и будем размышлять каждый самостоятельно.

Я вышла из комнаты, прошла в холл, но Ильи там почему-то не было. Фильм что ли оказался неинтересным? Я зашла к парню в комнату и застала его за чтением комиксов. Мы вместе посмеялись над забавными картинками и я отправилась спать, пожелав своему подопечному спокойной ночи.

Настроение было более чем паршивое. Зачем я во все это влезла? В результате милого летнего отдыха как не бывало. Они муж и жена, а я кто? Гувернантка! С чего я взяла, что Олег будет на моей стороне? Сейчас повернется в постели, подумает и пойдет разбираться с Натальей. И ведь разберется. Женщина, обладающая таким запасом коварства, в два счета убедит его, что все это выдумки и случайные совпадения. Трубка же нужна для того, чтобы, например, тараканы не задерживались в комнате, а прямиком отправлялись погулять в сад. Про леску тоже что-нибудь придумает. Удавалось же ей до сих пор морочить ему голову. А в результате меня завтра же уволят, чтобы не совала нос в чужие дела. И произойдет это несмотря на то, что Олег ко мне хорошо относится.

Вот с такими мыслями я погрузилась в сон и до самого утра спасалась во сне от Натальи, которая хотела придушить меня леской. Веселенькая ночь.

Утро тоже оказалось веселеньким. Проснулась я от беготни по коридору — кто-то так топал, что я встала, накинула халат и выглянула из двери. Мимо как раз проносилась Клавдия Васильевна, а за ней Оля с тазом в руках. Они были не в себе и не обратили на меня никакого внимания. Неожиданно я тоже запаниковала и кинулась вслед за ними. Обе скрылись в комнате Олега, а у меня перехватило дыхание. Остановившись перед закрытой дверью, я переминалась с ноги на ногу и не знала, как поступить. Тревога гнала меня внутрь, а здравый смысл заставлял оставаться на месте. Вдруг из комнаты вышла Ольга и чуть не наткнулась на меня.

— Что случилось? — вцепилась я в нее.

— Ой, Таня, Олегу Константиновичу так плохо! Его прям наизнанку выворачивает — такая сильная рвота. Я за свежим бельем. — и она вывернулась из моих рук.

— Дела-а! Если не разобраться со всем этим, то Олег запросто умрет прежде, чем сойдет с ума, что впрочем не на много отличается друг от друга. Я вернулась в свою комнату, переделалась и заставила себя сесть в кресло, чтобы обдумать ситуацию. Мысли разбегались в разные стороны, но основной их поток стремился в комнату Олега. Я тупо смотрела в окно, как вдруг увидела, что по улице медленно движется машина скорой помощи. Ну, слава Богу! Кто-то догадался вызвать врачей. Нельзя же постоянно все списывать на переутомление.

Я стремительно выбежала на крыльцо, но машина проехала мимо наших ворот и остановилась у соседних. Наверное ошиблись адресом. Я кинулась за Клавдией Васильевной, потому что понимала, что в данной ситуации заниматься самодеятельностью было рискованно. Мы столкнулись в дверях.

— Клавдия Васильевна, там машина скорой помощи, но почему-то проехала к соседям.

— Скорая? — переспросила она. — Что ж — это божий промысел. Беги, Татьяна, пусть они к нам придут.

Я не совсем поняла про божий промысел, но дважды мне повторять не пришлось — я уже неслась к воротам. В машине был только водитель. Он сказал, что врач с медсестрой ушли в дом. Я тут же побежала туда. Пройдя веранду, на которой мы вчера пили чай с хозяином, я оказалась в большой комнате и сразу поняла, что водитель не ошибался адресом — именно сюда были вызваны врачи. На диване лежал очень бледный Юнлен Семенович, а доктор склонился к его ногам и что-то там внимательно рассматривал и ощупывал. Маленький пенсионер стонал, не открывая глаз, а я разглядела большую ссадину у него на лбу. Рядом стоял молодой человек, держал старика за руку и непрерывно повторял.

— Дед, потерпи, ладно? Потерпи. Дед, слышишь, потерпи.

Тут он увидел меня, оставил в покое руку своего деда и подошел.

— Вы кто? — спросил он.

— Я работаю у ваших соседей. Мы вчера с Юнленом Семеновичем пили здесь чай. Чтс с ним случилось? Вы ведь его внук?

— Да, меня зовут Максим. — представился он.

— Таня.

— Да вот, незадача какая. — махнул он рукой в сторону дивана. — Дед вчера спать ушел как обычно. Утром я выбегаю во двор, чтобы размяться немного, а за углом кто-то

стонет. Заглянул — дед лежит на земле весь ободранный. Я его на руки, а обе ноги болтаются, как неживые — сломаны оказались. На голове большая ссадина, рука повреждена, а рядом его подозрительная труба валялась. Зачем он ночью в мансарду полез, ума не приложу? Дня ему мало! Вот «скорую» вызвал.

Вдруг от дивана послышался сначала надсадный кашель, а потом хриплый голос произнес.

— Это она... она меня толкнула.

Внук повернулся к деду и я увидела, что Юнлен Семенович указывает дрожащим пальцем прямо на меня.

— Она... она... — хрипел старик.

Я просто остолбенела от подобного обвинения. Олег подошел к деду, взял его дрожащую руку в свою и ласково сказал.

— Ну что ты, дед, это же соседка наша, Татьяна. Ты вчера с ней чай пил. — а потом врачу — Заговаривается уже. Ему что, хуже?

— Трудно сказать. Сильные ушибы и два открытых перелома. Сейчас шины наложим и в город его заберем.

— Я с вами поеду. — засуетился Максим.

— Извините, я ведь что пришла. — тронула я Максима за рукав. — Пока Юнлену Семеновичу шины накладывают, не мог бы доктор зайти к нам. Олегу Константиновичу очень плохо. Это не займет много времени.

Я умоляюще посмотрела на врача, а он, в свою очередь, на часы.

— У нас есть двадцать минут. Идемте.

— Спасибо. — Сказала я Максиму и врачу одновременно.

На крыльце нас ждала Клавдия Васильевна.

— Здравствуйте, доктор, прошу за мной. — церемонно сказала она и направилась в левое крыло. Врач за ней.

Я осталась в холле и нервно забралась в кресло прямо с ногами. К Олегу бы меня все равно не пустили, судя по выражению лица Клавдии Васильевны. Да и было пока о чем подумать. Я обхватила голову руками. С чего это Юнлен Семенович сказал, что это я его толкнула? Бедный старик, от такого падения у него, конечно, мог повредиться рассудок, но я почему-то так не думала, а сразу поверила, что его толкнули. Максим, очевидно, не знает о привычке деда подглядывать за соседями, а я знаю. И это наводит на определенные мысли. Не одна я, значит, такая наблюдательная. Неожиданно в коридоре раздались голоса и я вся обратилась в слух.

— Ну что, доктор? Что с ним? — спросила Клавдия Васильевна.

— Я считаю, что это отравление, только пока не пойму чем. Пусть принимает активированный уголь и лекарство, которое я прописал. Правда оно дорогое. — зачем-то предупредил доктор, хотя прекрасно видел, что деньги в этом доме не проблема.

— Спасибо вам, я провожу. — сказала Клавдия Васильевна.

— Вам спасибо. — со значением сказал доктор, шурша купюрами.

Вот и хорошо, значит не бесплатно побеспокоили. Клавдия Васильевна свое дело знает крепко, хорошая из нее домоуправительница. Они прошли к выходу, а я выбралась из кресла и пристроилась возле дверей. Проводив доктора, Клавдия Васильевна вернулась и наткнулась на мой вопросительный взгляд.

— Спасибо вам, Татьяна, за хлопоты.

— Пожалуйста, мне было не трудно. Как себя чувствует Олег Константинович?

— У него сильное переутомление и расстройство желудка. — не моргнув глазом соврала она и скрылась в левом коридоре.

Ненавижу, когда врут! Ведь она могла просто сказать: «Спасибо, уже лучше», но предпочла потратить больше слов, только бы соврать. Обман вообще мерзкая штука. Особенно, когда нет видимой выгоды от него. Я всегда в таких случаях чувствую себя оскорбленной. Да еще это, навязшее в зубах, слово «переутомление». Сговорились они все что ли?

Из задумчивости меня вывел Илья — он тихонько подошел и встал рядом.

— Что, парень, грустные дела творятся? — спросила я, потрепав его по волосам.

— Да. — вздохнул он.

— А ты как себя чувствуешь? — повернула я к себе его бледное личико.

— Нормально, я ведь вчера перед сном не ходил к папе в комнату.

— Что значит, не ходил к папе? — присела я перед Ильей, внимательно глядя в глаза.

— А я уже давно заметил, как приду к папе пообщаться, так мне после этого через некоторое время становится плохо. Теперь-то мы с ним на прогулке видимся, поэтому я в комнату не хожу.

— Да что ты говоришь? Задумчиво протянула я и закружилась по холлу, пытаюсь поймать мысль, мелькнувшую у меня в голове после слов Ильи.

Так, что же получается? Они вместе в комнате, Илье становится после этого нехорошо и симптомы недомогания у обоих одинаковые. А все упорно списывается на простое недомогание в результате переутомления. За всем этим несомненно что-то кроется, но я упускаю из вида какую-то важную деталь.

— Илья. — я снова присела перед мальчиком. — Через какое время тебе становится плохо? Почти сразу, как уходишь от папы или немного погодя?

— Ну, где-то через час. — мальчишка был по-взрослому сосредоточен.

— А в городе тебе становилось плохо?

— Нет, ни разу. — уверенно ответил он.

— Послушай, а хочешь мы сейчас папу навестим?

— Да, а можно?

— Конечно можно.

Если домоуправительница все еще в комнате Олега, то уж Илью-то она не прогонит. А я при нем. Право имею.

Я тихонько приоткрыла дверь в комнату Олега, от волнения даже забыв постучать, и тут же встретила с ним взглядом. Он полулежал на подушках и умирающим не выглядел, что меня сильно взбодрило. Конечно, я отметила и бледность, и круги под глазами, но страшного в этом ничего не было. Илья подбежал к отцу, обхватил его руками и положил голову на грудь. Олег ласково погладил мальчика по спине.

— Пап, тебе лучше? — тихо спросил Илья.

— Лучше, намного лучше. Я бы даже позавтракал, если кто-нибудь накормит. — ответил Олег, с улыбкой глядя на меня.

— Говорят, что у тебя отравление. — с сомнением покачала я головой.

— Правду говорят, но это отравление не пищевое. — многозначительно произнес Олег.

Я уставилась на него и снова меня обуяло чувство, что я никак не могу уловить что-то важное в череде последних событий.

— Тань, я вчера тебе не успел сказать, что кроме всяких там завываний меня преследуют еще и запахи. Причем довольно неприятные. — покосился он на Илью, который уже перебрался к столику с лекарствами и внимательно их разглядывал.

— Запахи? — переспросила я.

— Иногда в комнате пахнет как бы... ну не знаю... — Олег пощелкал пальцами, подбирая нужное слово.

— Газом. — вдруг сказал Илья и пояснил, увидев наши удивленные лица. — Когда я бываю у тебя в комнате, здесь пахнет газом, а мне потом плохо.

Олег озадаченно посмотрел на меня, а я развела руками, мол, да, есть такой факт.

— Но это не тот запах. Что я не знаю как газом пахнет. Похож, конечно, но не тот. — возразил Олег.

— Ты не куришь, вот и не узнал этот запах. — авторитетно заявил Илья.

— А ты что, куришь что ли? — почти одновременно возмутились мы.

— Да нет. — успокоил нас Илья. — Лешка Прохоров у отца сигареты таскает и зажигалку один раз притащил, а она не чиркает. Нажимаешь — газ шипит, а огонек не загорается. Так вот, от зажигалки также пахло.

— Илья, поймаю с куревом — уши оторву! Будешь их в кармане таскать, как сувенир. — Погрозил пальцем Олег.

— Знаю, ты говорил уже. — напомнил мальчишка и скроил смешную рожицу.

— И что это все значит? — спросил Олег уже у меня.

— Не знаю. — сказала я, а сама в это время скосила глаза на Илью. — Может быть погуляем попозже? Думаю, тебе свежий воздух не помешает.

— Да, конечно, можно часа в три пойти потихоньку прогуляться. А сейчас бы я позавтракал. — напомнил Олег.

Мы с Ильей вышли в коридор и направились в сторону кухни. В холле я остановилась, повернула мальчика к себе лицом и сказала.

— Очень хочется думать, что тебе не надо объяснять про все странности, которые творятся в доме. Просто не ходи больше к папе в комнату, пока мы тебе не разрешим. Договорились?

Илья утвердительно кивнул, после чего я пошла к Ольге и сказала, что Олег Константинович хочет есть.

— Сделай ему что-нибудь легкое. — попросила я.

— Скоро обед. У нас картофельный суп и творожная запеканка. — перечислила Оля. — Думаю, ему подойдет.

— Как, а мясное? — удивилась я, потому что кормили здесь отменно.

— Так ему же, наверное, нельзя.

— Это я уже о себе беспокоюсь. Помру без мяса. — пояснила я, хищно оскаливаясь.

— Голубцы притупят твою кровожадность? — смеясь, спросила Ольга.

— Вполне. — согласилась я. — А вот творожная запеканка — это не для меня. Творог ем только в чистом виде.

Выполнив просьбу хозяина, я отправилась на улицу в поисках Ильи. В ближайших кустах кто-то возился, сопел и кряхтел, а иногда доносился возглас: «Вот она!» или «Хватай, чего ждешь?». Я подошла к парапету и моему взору открылись три оттопыренные задницы. Одна вся в шерсти и с хвостом, другая принадлежала Илье, потому что была маленькая и худая, а третья, мускулистая, упругая и туго обтянутая джинсами, могла быть только

Николашина.

— Бог в помощь! — сказала я.

Человеческие головы тут же вынырнули из кустов, а увлеченный пес никак не отреагировал на мое пожелание.

— За чьей жизнью подглядываем? — поинтересовалась я

— Там ящерица, вот такенная! — с восторгом развел руки Илья.

— Это уже не ящерица, а молодой крокодил. — с сомнением покачала я головой.

— Ну... вот такая. — руки мальчика сошлись сантиметров до двадцати.

— Уже ближе к истине. — похвалила я его за скромность.

Оба тут же снова скрылись в листве.

— Будет она вас ждать. — сказала я. — Сбежала уже давно.

— Нет. — послышался голос Ильи. — Ее Чиф караулит.

— Ну-ну, держайте. — пожелала я и в этот момент услышала звук приближающейся машины. С крыльца мне хорошо было видно крышу скорой помощи. Автомобиль, как и утром, остановился у соседских ворот. Господи, что там опять произошло?

— Коля, оставь бедное пресмыкающееся, мне твоя помощь нужна. — позвала я.

Николаша вынырнул из кустов, поднялся ко мне и тоже увидел машину.

— Что у них там снова стряслось? — удивился он.

— Вот и меня это интересует. Ты знаком с соседями?

— Да, конечно. А что?

— Потом объясню, а сейчас пойдем к ним, узнаем что и как.

Пока мы разговаривали, хлопнула дверца автомобиля и он заурчал, отъезжая. Мы видели, что калитка осталась открытой и дверь на веранду тоже. Через минуту Николаша уже стучал в нее костяшками пальцев, чисто для приличия, потому что на веранде никого не было, а голоса доносились откуда-то из глубины дома. Один из них явно принадлежал женщине. Николаша снова выбил вежливую дробь по двери и мы вошли в комнату.

На диване снова лежал Юнлен Семенович, но уже с ярко выраженными признаками врачебной помощи. Обе ноги в гипсе, рука аккуратно перебинтована, на лбу большой красивый пластырь. Возле больного хлопотала женщина, поразительно на него похожая. Прямо, как родная сестра. Впоследствии оказалось, что она даже больше, чем родная сестра — они были близнецами. Не часто приходится встречать пару пожилых близнецов. Поверьте — это очень забавное зрелище.

Оценив молодость женщины и ее пионерскую выправку, я подумала, что и имя у нее должно быть под стать имени Юного Ленинца. Какая-нибудь Домна или Октябрина, но ошиблась.

— Здравствуйте, Лина Семеновна — обрадовался Николаша.

— Коленька, здравствуй, родной! — порхнула она нам навстречу.

— Давненько вас тут не было. — скалился в улыбке мой провожатый.

— Да вот, сподобилась снова тут оказаться, только в качестве сиделки. Ух, шелопутный. — погрозила она кулаком в сторону дивана.

Я глянула туда же и увидела, что Юнлен Семенович смотрит на меня во все глаза и снова тянет ко мне указующий перст. Я непроизвольно отступила за широкую Николашину спину, а старик неожиданно произнес.

— Танечка! Таня! Простите меня глупого. Напраслину на вас возвел, простите старика. — и уронил слабую руку на покрывало.

— Ну не надо, Юнлен Семенович, что вы. — забормотала я, чувствуя большую неловкость.

— Ах, так это вы и есть Татьяна? — спросила Лина Семеновна, уперев руки в боки. — Полюбуйтесь, что из-за вас получилось!

Я совсем растерялась, то прощения просят, то снова обвиняют. Черт ногу сломит!

— Он же из-за вас в больнице всех чуть с ума не свел! — продолжала женщина. — Везите, говорит, меня назад, не буду у вас тут лежать. Мне, говорит, у Танечки прощения попросить нужно. Оговорил я ее.

Мы с Николашей недоуменно слушали, хлопая глазами.

— И ведь добился своего — дали машину и привезли сюда. Вот уж Максимка разозлится. Он же там уже всем деньги рассовал, чтобы лучше за Юником ухаживали. А тут здрасьте-пожалуйста! Хорошо, что вы сами пришли, а то он уже меня за вами посылал.

Я подошла к дивану и взяла старика за руку. Рука была мягкая, но холодная, а в его глазах дрожали слезы. Я и сама чуть не разревелась, но сумела взять себя в руки. Это дети любят, чтобы их пожалели, а старикам жалось ни к чему, они от нее слабеют. Старикам нужны сострадание и помощь, а еще защита на склоне лет. Ненавязчивая такая, но продуктивная. Сейчас такую защиту могла предоставить ему я, потому что, в силу обстоятельств, знала больше, чем остальные. Как бы в подтверждение моих мыслей Юнлен Семенович сказал.

— Они не верят, что меня столкнули. Думают, я заговариваюсь после падения. Было у меня, конечно, помутнение, когда вас во всем обвинил, но и только.

— Если вам не трудно, расскажите, что запомнили. — попросила я и поманила поближе Николашу.

Пусть послушает, потому что мне может понадобится помощник, а лучше Николаши никого не найти. Олег слишком на виду, да к тому же ему отведена роль жертвы в этом детективном сериале. Тем временем Юнлен Семенович начал рассказывать.

— У меня бессонница — возраст, сами понимаете. И к трубе-то подозрительной я пристрастился из-за того, что просыпаюсь еще до рассвета и ворочаюсь с боку на бок без сна. А тут, хоть какое-то развлечение. Смотрю как звезды меркнут, как небо светлеет, как туман уходит. Про восход солнца вообще говорить нечего — волшебство, да и только. Днем иногда тоже к трубе тянет, я ведь здесь один целыми днями, скучно бывает, вот и осматриваю окрестности.

Я слушала и испытывала стыд за свои неуместные подколки. Правильно говорят, что не нужно торопиться осуждать человека, прожившего большую жизнь, пока сам столько же не проживешь. Минус тебе, дипломированный психолог.

Сегодняшней ночью я тоже до рассвета проснулся, полежал немного, да и поднялся в мансарду. Только трубу наладил, глядь, в вашем саду кто-то ходит. Даже не удивился, когда Анну рассмотрел. Только она может в неурочное время по саду шастать. Продолжаю наблюдать — она присела перед дубом и что-то там ладит в траве, только вот не видно чего, она спиной загораживает. Долго Анна под дубом сидела, минут пятнадцать, я даже смотреть устал. Потом вдруг поднялась и пошла к дому, а в руках у нее что-то такое знакомое, но в сумерках как следует не разглядеть. Дошла она до кустов и сунула туда то, что несла, а потом, как мне показалось, прямо в мою сторону посмотрела. Уйти бы, да лечь старому дураку, а я решил еще понаблюдать. Увлёкся и не заметил как кто-то сзади меня оказался. Даже крикнуть не успел — меня за ноги подхватили и из окна вышвырнули. Ладно, хоть не

головой об землю, а то бы уже в нее и зарыли. Ногам вот только сильно досталось.

— Вы что же, двери на ночь не закрываете? — с удивлением спросила я.

— Не закрываем. Кто сюда ползет? Кругом собаки, сторожа, люди живут круглый год. — беспечно сказал пенсионер, но потом подумал и добавил. — Теперь будем закрывать, после всего-то.

В это время Лина Семеновна позвала нас пить чай, но мы отказались, потому что пора было идти обедать.

— Вы уж проводывайте нас почаще. Вон Юник как ожил после разговора с вами. — пригласила она, провожая нас до калитки.

Мы поблагодарили, распрощались и пошли обедать, договорившись с Николашей о встрече в беседке, где я обещала ему все разъяснить. Николаша пребывал в сильном нетерпении, детективный вирус делал свое дело. Мой приятель запихал в себя обед быстрее, чем Чиф вылизал миску, и все оставшее время отравлял мне удовольствие от еды, строя нечеловеческие гримасы.

Когда я помогала Оле убирать со стола, Николаши в столовой уже не было. Направляясь к беседке, я еще издали увидела его, прохаживающегося в ожидании. Я остановилась у кустов, примыкающих к стене дома и окликнула Николашу. Он прискакал как антилопа гну, в три прыжка.

— Как думаешь, в этих кустах Анна спрятала свою ношу? — спросила я.

Николаша огляделся и уверенно сказал.

— Здесь, больше нигде.

Я тоже огляделась, никого не заметила и осторожно раздвинула кусты. Предмет даже не был тщательно схоронен, просто стоял в кустах подальше от посторонних глаз. Рядом со мной появилась Николашина голова и мы переглянулись. Он протянул руку и приподнял знакомый предмет.

— Зачем ей это? — спросил Николай.

— Хороший вопрос. — усмехнулась я. — Но думаю, что ответ у меня есть, пошли.

Мы направились к беседке, сели и я рассказала Николаше все, что знала об этом деле и даже то, о чем только лишь подозревала.

— А вот теперь пошевели мозгой, для чего нашей Анне, в свете всего изложенного, понадобился пятилитровый газовый баллон?

— Чего тут шевелить, итак все ясно — угробить она хочет Олега Константиновича. Только вот вопрос — зачем?

— И сразу напрашивается еще один вопрос. — озадачила я его. — Почему сегодня она не довела дело до конца?

— До какого? — не понял Николаша.

— Дурак что ли? — ласково спросила я.

— А, понял. Почему не весь баллон спустила? — явил он чудеса сообразительности. — Кстати, там литра три еще будет.

— Значит, на этом она не остановится. — задумчиво сказала я. — Как думаешь, она столкнула старика?

— Зуб даю. — сверкнул белоснежной эмалью Николаша.

— Тогда надо осмотреть мансарду и площадку под окном, может увидим что-нибудь. — предложила я.

Через пять минут, получив разрешение хозяев, мы уткнулись носами в подоконник

мансардного окна. Улик было — хоть отбавляй. За деревяшку зацепились ситцевые клочки от пижамы Юнлена Семеновича, а на полу валялось несколько комочков земли. В правой раме была выбита щепка, наверное подзорной трубой задел, когда вываливался из окна. Я посмотрела вниз и поежилась. Повезло старику — мог бы запросто уголить на ствол старой вишни и остался бы висеть, проткнутый сучьями, истекая кровью. Я так ясно представила себе эту картину, что непроизвольно передернула плечами.

— Ты чего? — повернулся Николаша.

— Да так, воображение разыгралось. Пойдем, пошарим под окном.

Мы обошли дом и начали бродить вдоль стены. Ничего особенного, только никому уже не нужная, вдребезги разбитая, подзорная труба. Я взяла ее в руки и ахнула. За металлическую клепку на корпусе зацепилось несколько шелковых ниток... сиреневого цвета. Николаша подошел и взглянул мне через плечо. Мы некоторое время помолчали, а потом он вдруг изрек.

— Сиреневый туман.

— Что? — не поняла я.

— Мы между собой так Наталью называем. Ты разве не заметила, что у нее вся комната сиреневая, дом велела сиреневым украсить, забор опять же, да и ходит она преимущественно в сиреновом? Правда, что странно, только здесь. Городская квартира у них нормальная и одежда не сиреневая — пояснил Николаша.

— Что же это получается — здесь была Наталья?

— Получается, что так. Больше у нас никто сиреневого не носит.

— Подожди, подожди, тут надо все взвесить. — не желала я расставаться с такой заманчивой версией, в которую укладывалась Анна в полный рост. — Зачем Наталье пытаться убить старика?

— А Анне зачем? — спросил Николаша.

— Чтобы он не рассказал о том, что видел в саду. Это же понятно! — запальчиво пояснила я.

— Ну, вот именно. — кивнул мой напарник.

— Ты хочешь сказать, что и Наталью он мог видеть...?

— Запросто.

— Так, стоп! У меня уже голова кругом. Пошли в сад, еще раз все проанализируем. — предложила я.

— Мы вышли за ворота и тут же наткнулись на молодого мужика бомжеватого вида и явно бывшего навеселе.

— О! Колян! Мое почтение! — преувеличенно громко сказал тот. — А у меня к тебе просьба.

— Та-ак! — протянул Николаша, окидывая мужчину взглядом с ног до головы. — Надо полагать, что у тебя опять мама умерла и снова понадобились деньги на похороны?

— Ну, ладно тебе вспоминать-то. — начал канючить мужчина.

— Представляешь? — повернулся ко мне Николаша. — Чтобы у Анны денег выклянчить, этот тип на родную мать наговорил, что она умерла.

— Ну и что такого? А ваша Анна — та еще стерва! — окрысился алкаш.

— Да ну? А еще недавно ты клинья под нее подбивал. — напомнил Николаша.

— Все! Развод и девичья фамилия. Такого как я, молодого, ей не надо, а вот к старику ночами шастать — это пожалуйста! — все больше распялялся парень.

Мы молча переглянулись.

— Это ты о чем? — спросил Николаша у пьяницы.

— Так прямо сегодня, когда еще чуть-чуть светало, я на озеро шел с удочками. Зорьку решил отстоять. Смотрю, а Анна осторожно так к нашему Юному Лену в калитку шасть. А на самой только ночная рубашка и больше ничего.

— Сиреневая? — спросили мы в один голос.

— Че сказали? — прищурился мужик.

— Какого цвета на ней была рубашка? — уточнил Николаша.

— Да почему я знаю, сумерки еще были.

— А почему думаешь, что это Анна, может Наталья была? — попытался Николаша подставить подпорки под свою собственную версию.

— Да что я, слепой что ли? — обиделся абориген. — Ну вас совсем! Пойду я.

И он побрел дальше, в поисках сердобольного человека, который дал бы ему десятку на пиво без всяких глупых вопросов. Николаша с горечью смотрел ему вслед, а я вдруг заволновалась. Откуда-то из подсознания выплывала логическая цепочка: Анна, ночь, ночная рубашка, сон, постель.

— Точно! — заорала я, испугав Николашу. — Слушай, мне обязательно надо попасть в комнату Анны. Обязательно!

— Подожди, не ори так. Зачем тебе туда, да еще и срочно?

— Понимаешь, я, когда с Ольгой таскалась по комнатам в поисках лески, то для вида взбила подушку на кровати Анны, а из наволочки неожиданно выпал шелковый сиреневый шарф с серебряной ниткой. Я удивилась, но снова затолкала его в наволочку. Теперь мне срочно нужно на него взглянуть. Если он порван, то все! Других доказательств и не требуется, это точно Анна старика сбросила.

— Я все понял. — сказал Николаша. — Но придется ждать когда Ольга пойдет расстилать постели, а это в девять вечера, не раньше. А сейчас, чтобы не нарваться на хозяйский гнев, мы позовем Илью и пойдем на озеро купаться. Заодно и успокоишься, а то ты слишком возбуждена.

Николаша был прав на все сто, подзабыла я о своих гувернантских обязанностях. Парень где-то сам себя развлекает. Отыскав Илью за компьютером, мы отправились на озеро. Долго купались, валялись на покрывале и играли в волейбол, но все эти приятные занятия так и не смогли вытравить из сердца тревогу и дурные предчувствия. Анна в данный момент находилась в доме, Олег тоже, да и Наталья из своей комнаты после обеда не выходила. Плохая у Олега компания — ненадежная по всем параметрам, да и опасная, в свете последних событий. На дневную прогулку он пойти не смог, перенес ее на вечер, а я уже так по нему соскучилась. Еле дождалась ужина, после которого мы с Ильей, Чифом и Олегом наконец-то оказались за воротами.

Олег был бледен, но держался молодцом. Илья неожиданно подошел к отцу и прижался, обхватив его руками. Сцена вызывала чувство умиления, особенно у меня, потому что эти два человека становились мне все ближе и дороже. Тем более теперь, когда оба они были в опасности. Я не считала, что Илья случайно оказывался в комнате отца именно тогда, когда Анна пускала по трубке газ. Почему-то думалось, что было как раз наоборот — ждали, когда придет Илья, а потом пускали газ. Как говорится, одним выстрелом — двух зайцев.

— Олег, я хотела тебя кое о чем попросить. — начала я, когда наша компания отошла от ворот в сторону озера.

— О чем угодно, мадам. — отвесил он шутливый поклон.

— Все шутишь? А ведь дела обстоят гораздо серьезней, чем может показаться. — и я рассказала ему то, что нам с Николашей удалось узнать за сегодняшний день.

Олег был ошарашен и долго пребывал в задумчивости, хмуря брови. Потом повернулся ко мне и с отчаянием спросил.

— Тань, за что? Чем мы с Ильей ей помешали? Ведь уже давно живем, как посторонние люди. Если раздражаем, скажи, и расстались бы спокойно. Неужели она думает, что я стал бы спорить или возражать?

— Так значит ты считаешь, что роль Натальи здесь не последняя? — осторожно спросила я.

Олег посмотрел на меня с таким удивлением, что я почувствовала себя тупой овцой, не понимающей очевидных вещей. Потом он потер лоб рукой и сказал.

— Извини, я забыл, что ты не в курсе, на чем основаны отношения между сестрами и их няней, иначе бы не спрашивала.

— Не понимаю. — сказала я.

— Сейчас объясню. Стержень, ось, костяк, центр, вокруг которого вращаются все интересы Анны и Клавдии — это Наталья. Клавдию она просто поработила, манипулируя ею с времен своего младенчества и до сегодняшнего дня. Она для Натальи денщик, няня, раба, секьюрити и ФБР одновременно. Она Цербер, сторожащий вход в пустую и бездуховную Натальину жизнь. Единственный человек, которого няня беспрекословно подпускает к обожаемой Натальюшке — это Анна. Но беспрекословность Клавдии зиждется на строгом приказе, типа: «Не трогать!», поступившем от Натальи. Я не сомневаюсь, если Наталья скажет «Фас!», Клавдия тут же разорвет Анну на мелкие куски, как впрочем и всякого, на кого в это время будет направлен указующий перст.

— А как же ты? Тебя-то она подпускала? Или тоже существовал высочайший приказ? — не удержалась я от ревнивого вопроса.

— Да я в этом просто уверен! Если бы ты знала, сколько раз я натыкался на непробиваемую Клавдию, когда мне нужно было повидать Наталью, а та была не расположена меня видеть. Никакие аргументы не способны были поколебать верную няню. Мне бы такого секретаря в офис — цены бы ей не было.

Неожиданно упоминание о секретаре заставило меня взглянуть на нас с Олегом с иной точки зрения. Я же совершенно ничего не знаю о нем. Где работает, с кем дружит, есть ли у него другая женщина, что он любит? Например, может же так быть, что одним из его развлечений на загородной вилле является заигрывание с гувернанткой сына, сопровождающееся прогулками по вечерам и нежными взглядами в ее сторону. А я не раз ловила на себе именно такие взгляды Олега. Неужели мне настолько не хватает мужского внимания, что я обычный дачный флирт принимаю за начало серьезных отношений? Но я же не прыщавая гимназистка, чтобы млеть под случайным мужским взглядом.

Я искоса посмотрела на Олега и мне вдруг страшно захотелось прямо в эту минуту получить хоть какое-нибудь доказательство его доброго расположения ко мне. Да что там — расположения! Я хотела доказательств, что не безразлична ему, что нужна и даже необходима. Чувства захлестывали меня и, наверное, выпирали из ушей, потому что Олег вдруг споткнулся на ровном месте, повернулся ко мне, и я готова была поклясться, в его глазах вспыхнули нежность и желание. Мы шагнули друг к другу и, Бог знает, что произошло бы дальше, если бы не голос Ильи, заставивший нас отпрянуть в стороны и прийти в себя.

— Пап, а Чиф по чужим грядкам гуляет!

— Бежим спасать чужие грядки! — смеясь сказал Олег и потянул меня за руку.

Чиф действительно бродил по чужому огороду, в который опрометчиво оставили открытой небольшую калитку. Олег, озираясь, проник на огород и вывел упирающегося пса. Пора было возвращаться и мы двинулись к дому.

— Ты, вроде бы, хотела меня о чем-то попросить. — вспомнил Олег.

А, да. Понимаешь, мы с Николашей хотим сегодня вечером проследить за Анной. Для этого ты должен спровоцировать ее на действия. Демонстративно пригласить к себе в комнату Илью перед сном. И еще — заткни чем-нибудь отверстие под подоконником, хватит уже вам с Ильей газом дышать.

— Хорошо, договорились. — согласился Олег.

На этом мы расстались и я пошла искать Николашу, чтобы обговорить детали предстоящей вылазки.

В девять часов вечера вся хозяйская семья собралась в холле перед телевизором, чтобы попить чай. Ольга подала поднос и ушла готовить спальни к ночи. Мы с Николашей, рискуя быть схваченными, просочились в коридор и дожидались, когда Ольга перейдет из комнаты Анны в другую спальню. Через пять минут девушка вышла и, даже не посмотрев в нашу сторону, скрылась за поворотом коридора. Мы с Николашей немедленно прошмыгнули в нужную дверь. Не теряя времени, я подошла к кровати, взяла в руки подушку и пошарила в наволочке. Сердце мое екнуло — там ничего не было.

— Что? — тихо спросил Николаша, видя мое замешательство.

Я, не отвечая, стала методично обследовать всю постель — шарфика не было. Тогда я встала посреди комнаты и огляделась. Пожалуй придется проверять все и делать это очень быстро и аккуратно. В бельевом шкафу шарфа тоже не оказалось. Николаша заметно нервничал и был прав, потому что, если нас здесь застукает Анна, то скандала не миновать. А может быть даже и увольнения, что сейчас было бы совсем некстати. Я пребывала в растерянности. Среди аскетической обстановки комнаты больше не было мест, где искать. Тут мой взгляд упал на узкую дверь в дальнем углу, я открыла ее и оказалась в туалетной комнате — душевая кабина, унитаз, раковина. Справа на крючке висел банный халат. Моя рука сама потянулась к карману халата и достала оттуда злосчастный шарф.

— Есть! — громким шёпотом сказала я Николаше и помахала шарфом.

— Фу. — облегченно вздохнул он. — Пошли скорее отсюда.

— Ты что? Его же нужно осмотреть и вернуть на место.

Я подошла к окну, чтобы было лучше видно. На первый взгляд вещь казалась совершенно целой, и я чуть не лопнула с досады, но не в моих правилах отступать. Под нетерпеливые вздохи Николаши я начала тщательно осматривать бахрому. С одного края все было в порядке, а вот с другого в одном месте бахрама была оторвана и длина ниток, как я помнила, совпадала с оставшимися на подозрительной трубе. Я торжествующе сунула находку Николаше под нос и мы быстро удалились, не забыв положить улику на место. Меня не покидала уверенность, что впоследствии она нам очень пригодится.

Мы успели вовремя, потому что чаепитие уже практически закончилось. Илья увидел меня и подошел, чтобы я отвела его в комнату. И тут Олег, следуя нашему плану, громко сказал.

— Сын, пошли ко мне, пообщаемся.

Я кивнула Илье и они в обнимку с отцом скрылись в коридоре, а мне удалось перехватить красноречивый обмен взглядами двух милых сестричек. Наталья, глядя на Анну, слегка кивнула, а та прикрыла глаза, давая понять, что все сделает как надо. Вот змеи! Я повернулась, чтобы уйти, и увидела Клавдию Васильевну, наблюдающую за сестрами из-за пальмы. Ее взгляд выражал такое отчаяние, что мне стало не по себе. Можно подумать, что у нее личное горе. Но разгадывать взгляды было некогда, мы должны оказаться в саду раньше Анны. Точнее — это я должна, потому что Николаша уже наверняка там.

Я нашла приятеля в беседке, как и договаривались. Сумерки накрыли сад, и я засомневалась, будет ли что-нибудь видно. Но тут зажегся свет в комнате Олега, а следом и в комнате Натальи. До беседки свет не доставал, но под дубами стало гораздо светлее. Обе спальни были как на ладони. Мы увидели как Олег и Илья устроились рядышком на кровати

и о чем-то оживленно заговорили. Наталья же, напротив, не стала ложиться, а нервно заходила по комнате. Я не сводила с нее глаз. Эта женщина меня очень интересовала. Я никак не могла понять, почему такой мужчина, как Олег оставляет ее полностью равнодушной. Не похоже, чтобы у нее был любовник. Она сидит за городом безвылазно, к ней никто не приезжает, а с Олегом, по его словам, у нее давно уже нет интимных отношений. Может она фригидна? Тогда это многое объясняет. Мои умственные изыскания прервало появление Анны из-за дальнего угла дома.

— Вот она, смотри. — ткнул меня в бок Николаша.

— Да вижу я, тихо. — осадила я напарника.

Анна же, как ни странно, даже не остановилась возле кустов, где был спрятан баллон с газом. Она напрямик направилась к первому дубу и подняла руку в поисках лески. Отыскав ее, заняла удобную позицию, чтобы видеть окно. Мы с Николашей напряженно уставились туда же. Вот оно, начинается — свет в комнате начал постепенно тускнеть. Олег поднял голову, посмотрел на светильник, потом на Илью и что-то у него спросил. Илья тоже взглянул на лампу и пожал плечами. Тем временем Анна ослабила натяжение лески и свет снова стал прежним. Так повторилось несколько раз, но я не могла понять, почему Анна только слегка приглушает свет. Ведь Олег мог бы и не заметить таких незначительных колебаний. Но тут до меня дошло. Расчет был до смешного прост. Олег, измученный фокусами со светом, должен был заметить даже самое малое изменение, а Илья, который понятия не имел обо всем этом, наверняка не обратит никакого внимания на игру света. Дети вообще редко реагируют на такие мелочи, тем более, если чем-то заняты, а я увидела у мальчика в руках большую книгу с картинками.

Ну и коварные эти сестрички! Илья только что невольно подтвердил отцу, что колебания света — плод больного воображения Олега. Наталья пытается мужу внушить то же самое. А ведь сработало бы, не знай Олег сути всего происходящего. И глава семьи был бы уверен, что потихоньку сходит с ума.

Анна неожиданно оставила манипуляции с леской и направилась к третьему дубу. Пошарив в траве, она нагнулась и мы услышали тихие завывания. Я чуть не лопнула от сдерживаемого смеха. Николаша недоуменно таращился на меня, ведь он не знал, что Олег, по моей просьбе, заткнул отверстие в своей комнате и теперь все потуги Анны напрасны. Ей же, из-за позы, которую она приняла, ничего не было видно. По этой причине завывания доносились до нас еще пару минут. Цирк, да и только!

Потом цирк закончился, потому что Анна направилась к кустам, явно собираясь вытащить баллон. Она принесла его к трубке, подсоединила и стала ждать. Мне сделалось не по себе. Если бы не меры предосторожности, Илья и Олег сейчас вдыхали бы газ. Ну, стервы вам это так просто не пройдет! У меня созрел план, которым мне не терпелось поделиться с Николашей. Олега я не считала нужным ставить в известность, потому что он мог нам помешать.

Наконец Анна завершила свои дела, поставила баллон в кусты и скрылась за углом. Мы перевели дух.

— Ну что, отпали сомнения? — спросила я.

— Какие уж тут сомнения. — покрутил головой Николаша. — Что дальше-то делать будем? Это все уже слишком серьезно. Ого! Смотри-ка!

Николаша рукой показывал через мое плечо в сторону дома. Я оглянулась и замерла, не веря своим глазам.

Окно Натальиной комнаты было по-прежнему освещено, но в комнате она находилась уже не одна, а в обществе Анны. Вроде бы нечему удивляться, ведь Анна должна была отчитаться о проделанной работе. Но дело в том, что Анна и не думала отчитываться, а Наталья не думала принимать отчет. Женщины стояли вплотную друг к другу и лихорадочно снимали с себя остатки одежды. Самое начало стриптиза я пропустила, но его завершение до сих пор стоит у меня перед глазами. Последние предметы туалета упали на пол и сестрички неистово обнялись. Целуя друг друга, они упали на кровать и началось такое, от чего у меня к горлу подкатила тошнота. Я не пуританка и порой, чтобы получить максимум удовольствия от секса, раскрепощалась и вела себя очень даже раскованно. Но это с МУЖЧИНОЙ! А тут лесбос в чистом виде, который я совершенно не принимала и, честно говоря, не понимала. Все происходящее вызывало у меня чувство отвращения.

Сглотнув подкативший к горлу комок, я вдруг вспомнила, что являюсь не единственным зрителем в этом театре под открытым небом. Оглянувшись на Николашу, я увидела, что он тяжело дышит и постоянно оттирает пот со лба. Меня это так разозлило, хотя я и понимала, что реакция на происходящее — это реакция сексуально здорового мужчины.

— Что уставился? — зашипела я. — Порнушку никогда не видел?

Николаша перевел взгляд на меня и я подумала, что сейчас он набросится с поцелуями.

— Только попробуй, сразу получишь по яйцам. — как можно свирепее сказала я.

Николашин взгляд утратил ярость желания и мужик постепенно начал приходить в себя.

— Чего ты, Тань, я же не маньяк какой-нибудь. — попытался возмутиться он, а потом пробормотал. — И чего эти дуры шторы не задергивают.

— Да потому что одного подглядывальщика они уже устранили. Понял или пояснить? — мстительно сказала я, кивая на окно соседской мансарды.

— Ну и стервы же они! — с чувством выдал мой напарник.

— Ладно уж, пошли, прогуляемся по улице. У меня идея появилась.

Николаша покорно поплелся за мной, честно стараясь не смотреть на злополучное окно. Оказавшись на улице, я сочувственно на него взглянула, потому что злость уже прошла. За что мужик страдает, за то, что оказался нормальным?

— Я вот что предлагаю. — перешла я к делу — Давай подключим ко всему этому Максима, внука Юнлена Семеновича.

— Зачем? — не понял Николаша.

— Затем, что у него деда пытались угробить, на полном серьезе, причем! Ты еще не понял, что эти дамочки все делают без дураков? Мы расскажем Максиму все, что знаем, но только в том случае, если он горит желанием привлечь к ответственности того, кто покушался на жизнь деда. Без компетентных органов, я чувствую, нам не обойтись, но будет лучше, если этим займется Максим. Ну как?

Мне было важно, чтобы Николаша поддержал мою идею. Я не хотела единолично отвечать перед Олегом за все непредсказуемые последствия этого дурно пахнущего, в прямом и переносном смысле, дела.

— А что, пожалуй, ты права. — неожиданно воодушевился Николаша.

— Тогда пойдем к соседям прямо сейчас. Видишь, у них свет горит, значит, еще не спят. — скомандовала я.

Мы привычно толкнули сначала калитку, а потом и дверь на веранду, но последняя почему-то не поддавалась. Юнлен Семенович сдержал обещание и дверь была заперта изнутри. Пришлось стучать.

О! Кого я вижу! — неподдельно обрадовался Максим. — Вы-то нам как раз и нужны!

Оказывается у нас с Николашей открылась удивительная способность — приходить вовремя. Максим провел нас в комнату, где был накрыт стол с водкой и закусками. За столом сидели Лина Семеновна и незнакомый молодой человек, по виду чуть постарше самого Максима. На диване страдал Юнлен Семенович, но не столько от телесных повреждений, сколько от невозможности полноценно составить компанию своим гостям. Хотя, возле него на табуретке и было всего в достатке. Мы поздоровались и сели на предложенные места. Лина Семеновна засуетилась, расставляя перед нами тарелки и рюмки. Пить я сразу отказалась, уж очень не к настроению это было.

— Знакомьтесь. — сказал Максим. — Это Вадим Столяров, частный детектив.

Николаша посмотрел на меня и удивленно покачал головой, а я застыла с рукой над столом, так и не наколов на вилку огурец. Вид у нас, наверное, был тот еще, потому что Вадим, подивившись на нас с минуту, спросил.

— По какому поводу столбняк, господа?

Я не совсем вежливо ответила вопросом на вопрос.

— А вы здесь по личным или по служебным делам?

— Хм, как вам сказать? — замялся детектив.

— По служебным, по служебным. — ответил за Вадима Максим и добавил. — Это я его вызвал. Максим, это те самые люди из соседнего дома, о которых я тебе говорил — Николай и Татьяна.

Вадим понимающе кивнул и все чокнулись за знакомство. У меня вместо рюмки был стакан с компотом.

— Хочу сразу объяснить ситуацию. — начал Максим, пока все закусывали. — Я этого дела так не оставлю. В моем собственном доме чуть не убили моего собственного деда. Это как называется, а?!

Поскольку вопрос был явно риторическим, все промолчали. Максим продолжил, оживленно жестикулируя.

— Я пригласил своего товарища, чтобы он, для начала, нашел того гада, а там посмотрим, что с ним дальше делать. Правильно, Вадик?

— Не совсем. Я же тебе уже говорил, если обнаружу покушавшегося на убийство, то может так сложиться, что потребуется поставить в известность правоохранительные органы. — пояснил детектив.

— Думаю, что потребуется. — вмешалась я, чем всех страшно удивила, а особенно Вадима.

Он выжидательно уставился на меня, видимо, пытаюсь понять для чего я это сказала. Для поддержания разговора или правда знаю что-нибудь по делу? Я не стала тянуть.

— Мы с Николашей знаем, кто пытался убить Юнлена Семеновича. — кивнула я в сторону дивана, а Лина Семеновна ахнула, испуганно прикрыв рот ладошкой.

— И кто же? — серьезно спросил Вадим.

— Анна. — коротко ответила я, а Николаша кивнул.

— Ну, что я вам говорил?! — донеслось со стороны дивана.

— Да, мы уже слышали это имя, но все так голословно. — пожал плечами Вадим.

— У нас есть доказательства. — я была настроена очень решительно. — Вы уже осматривали землю под окном?

— Нет, когда я приехал, уже стемнело. Завтра осмотрю. — пообещал Вадим.

И тут нас с Николашей как прорвало. Перебивая друг друга, мы выложили молодому детективу все, что знали. Все слушали очень внимательно, что несомненно льстило нашему самолюбию.

— Та-ак, теперь мне многое понятно. — сказал Вадим, когда мы закончили, и спросил у Максима. — Ну что, нанимаешь меня на это дело?

— А ты как думаешь, конечно! Мы же договорились.

— Значит завтра с утра я начну собирать улики и опрашивать свидетелей, пока широко не афиширую своего расследования. Вы же приходите сюда вечером, но Олегу пока ничего рассказывать не нужно, рановато еще. — предупредил нас Вадим.

На этом мы и распрощались.

Утро следующего дня практически не отличалось от предыдущего, разве что время сместилось и переполох не поднял меня с постели, а настиг в холле, когда мы с Ильей, взяв ракетки, собрались поиграть перед домом в бадминтон.

Мимо нас промчалась Клавдия Васильевна, а за ней Оля с тазиком. Я испытала чувство «дежавю», что меня сильно расстроило. Поэтому, оставив Илью перед телевизором, я решительно направилась следом за женщинами в комнату Олега. Что-то мне подсказывало, что тазик снова предназначается ему. Конечно же я не ошиблась.

Олег сидел на кровати, безвольно свесив руки между раздвинутых коленей, а Ольга уже убирала использованный таз. Вдруг Олега согнуло пополам в новом приступе рвоты, а Ольга еле успела вернуть таз на место.

Мужчина, который был мне небезразличен, страдал — это было написано у него на лице. Я страдала вместе с ним, холодея от мысли, что промедление в распутывании узлов этой истории, может обернуться настоящей трагедией.

Олег поднял глаза и увидел меня. Такой взгляд бывает у раненой собаки — она просит хозяина о помощи, одновременно недоумевая, почему ей так больно. Я понимала невысказанный вопрос Олега. Откуда появились эти симптомы, если трубка в плинтусе была надежно заткнута? Газа не было, а симптомы повторяются. Я непроизвольно шагнула к Олегу, готовая обнять и утешить дорогого человека, но наткнулась на монумент по имени Клавдия Васильевна.

— Что вы здесь делаете, милочка? — высокомерно осадил меня она.

— Простите? — не мудрено, что я растерялась.

— Можете быть свободны, ваша помощь не требуется. — ее высокомерие поднялось еще на градус.

Конечно, это было трудно, почти невозможно, но я сдержалась. Мало того, я подчинилась и вышла из комнаты, успев бросить на Олега взгляд, полный сочувствия. В холле меня послушно ждал Илья. Он был напуган и растерян.

— Папе снова плохо? — осторожно спросил он.

— Да, Илья, и это странно. Ведь с тобой все в порядке?

— В порядке. — кивнул он.

— А ведь вы вчера вечером были вместе в комнате. — начала я, но тут меня постигло озарение.

Почему бы нет? И более сумасшедшие версии имели право на существование. Мы уже вышли на крыльцо, держа в руках ракетки, но играть никому из нас уже не хотелось.

— Илья, а что у вас было на завтрак? — остановилась я.

— Как всегда. — мальчик начал вспоминать. — Вареные яйца, сыр, колбаса, джем с

булками и чай.

— Все ели одно и то же?

— Нет, мама джем не любит. Да у нас его никто не любит, кроме папы. Мне больше нравится варенье — там целые ягоды бывают.

— Значит джем ел только папа? — насторожилась я.

— Да. Его и подают-то в такой маленькой тарелочке — одному папе хватает.

— Слушай, вспомни, пожалуйста, было ли так, что папе становилось плохо, а тебе нет?

Хотя вы и были до этого вместе?

— Да, помню. Я тогда сидел возле папы и мне хотелось плакать, ведь он сильно мучился. — на глаза ребенка навернулись слезы.

— Ладно, крепись, друг! Прорвемся! — взбодрила его я.

Не стоило и дальше распалать детское воображение, лучше поговорить на отвлеченные темы, иначе можно ребенка вогнать в депрессию. Мы заговорили о динозаврах. Толчком к разговору послужил маленький зеленый кузнечик, неожиданно прыгнувший Илье на руку. Ну чем не динозавр в миниатюре? Илья начал фантазировать, я подключилась и парень совсем отвлекся от грустных мыслей. Вдруг мое внимание привлекло какое-то движение в мансардном окне соседнего дома. Я пригляделась и узнала детектива Вадима. Он тоже узнал меня и приветственно махнул рукой. Молодец, время зря не теряет. Обещал с утра осмотреть место происшествия — пожалуйста, осматривает, улики собирает. На этой мысли меня подбросило. Как же я забыла про улики?

— Илья, отведи меня в вашу столовую. — попросила я. — Поъем водички или печенье с конфеткой возьмешь.

Парень был или не любопытный, или хорошо воспитанный. Просто молча кивнул и мы отправились в столовую. Там, на счастье, никого не было. Илья честно попил, а потом еще и взял печенье с конфеткой. Я же в это время лихорадочно осматривалась в поисках блюдечка с джемом. Его нигде не было видно.

— А сегодня папа весь джем съел или что-то оставалось на блюдечке? — спросила я.

— Оставалось. Я видел, как тетя Клава выбросила остатки в ведро. — показал он на большой мусорный контейнер, стоящий под раковиной.

Надо же, какая расточительность. Это же не кости куриные, чтобы в ведро. Я открыла контейнер, а Илья с интересом наблюдал за мной. Слава Богу, в мусоре рыться не пришлось — большая ляпушка сливового джема расползлась по банановой кожуре. А парень-то не слишком наблюдательный — забыл сказать, что на завтрак были еще и фрукты. Я огляделась, на разделочном столе лежала стопка тонких целлофановых пакетов. В один из них я и положила кожуру, испачканную джемом.

— А теперь навестим соседей. — скомандовала я и мы отправились на улицу.

Когда мы с Ильей вошли во двор, Вадим как раз вывернул из-за угла дома, держа в руках покореженную подзорную трубу.

После вежливых приветствий и представлений Вадим спросил.

— Что у нас плохого?

Я молча показала пакет с мусором. Вадим театрально нахмурился и изрек с умным видом.

— Бананус вульгарис, вернее, шкурка от него, измазанная чем-то похожим на...

— Дальше можешь не продолжать. — засмеялась я.

— Чем может помочь эта обезьянья еда такому человеку, как я? — торжественно

спросил Вадим, а потом стал серьезным. — Откопала что-нибудь?

— Я описала утреннее состояние Олега и высказала все мои подозрения на этот счет. Вадим задумался, потом взял у меня из рук пакет и куда-то ненадолго ушел. Вернулся он уже без пакета и на мой недоуменный взгляд пояснил.

— У меня здесь помощник. К вечеру будет результат, так что обязательно приходите.

Эх, кто же знал, что вечером мы действительно соберемся, но не там и не тем составом, как планировалось.

Олег весь день оставался в своей комнате. Мне удалось повидаться с ним лишь благодаря Илье. Имеет же право сын, в сопровождении гувернантки, навестить своего приболевшего отца. Клавдия Васильевна, которая с утра практически не покидала комнату Олега, была вежливо выдворена, и ушла с поджатыми губами. Взглядом, которым она меня одарила, можно было нарезать резьбу на титановой трубе. Олег выглядел неважно. Да что там — плохо он выглядел. Осунувшийся, с темными кругами под глазами, ослабевший. Двухдневная щетина делала его лицо каким-то неопрятным. Илья сел на кровать и начал гладить безвольно лежащую руку отца, кажется собираясь заплакать от жалости. Вот этого я бы уже не вынесла. Пришлось вмешаться.

— Ты ел что-нибудь? — нарушила я скорбную тишину.

— Нет, ничего не хочется. Резь какая-то в желудке. — пожаловался Олег.

— Пообещай мне, что сегодня устроишь себе разгрузочный день. — попросила я, ничего не объясняя.

— Клянусь. — вяло улыбнулся Олег.

Смотреть на это не было никаких сил.

— Ну, отдыхай. Не будем раздражать твою сиделку. Пока.

Илья поцеловал отца в щеку и пошел к двери. Я махнула рукой на прощание, отчаянно завидуя привилегии сына на неограниченные поцелуи.

— Таня. — неожиданно окликнул меня Олег. Я обернулась. — Подойди.

Я вернулась от двери и склонилась над Олегом.

— Спасибо тебе за все. — тихо сказал он.

Я смутилась, покраснела и собралась что-то пролепетать в ответ, но Олег вдруг попросил.

— Поцелуй меня, пожалуйста.

Внимательно посмотрев ему в глаза, я наклонилась и прижалась губами к его щеке. Получился пионерский поцелуй, но сердце все равно колотилось где-то у горла и мешало дышать. Я отступила и попятилась к двери, Олег улыбался, провожая меня взглядом. Оказавшись в коридоре, я наткнулась на Илью.

— Теть Тань, папа не должен есть, потому что его отравили, да? Джем был плохой?

— Ты не по годам сообразительный. — покачала я головой. — Да, я подозреваю, что в джеме была какая-то гадость и...

Тут я услышала негромкий вскрик, донесшийся из холла и прижала палец к губам. Проклятый коридор, я и забыла о том, что сама слушала чужие разговоры, находясь в холле. Что делать? Я растерялась, не зная, бежать ли мне в холл, чтобы увидеть того, кто слышал наш разговор или наоборот переждать. Пока я раздумывала, в коридоре послышалась твердая поступь и из-за поворота показалась Клавдия Васильевна. По ее лицу невозможно было догадаться слышала она мои слова или нет. На этот раз домоуправительница вообще не удостоила нас взглядом.

Мы с Ильей предпочли обратиться на улицу, а когда подошло время обеда, я попросила Олю передать Клавдии Васильевне, что мальчик захотел поесть с нами. Возражений не последовало, а я была рада, что парень будет под моим присмотром. В свете последних событий для меня это было важно.

Все началось с Чифа. Я в одиночестве сидела в холле перед телевизором и смотрела какую-то передачу о животных и не сразу обратила внимание на странное поведение собаки. Чиф был неспокоен и старался обратить на себя мое внимание, положив свою большую голову мне на колени. Я машинально поглаживала его высокий лоб, но продолжала смотреть на экран. Чиф настырно наваливался на мои ноги все сильнее и сильнее, когда же мне стало тяжело, я просто его прогнала. Он ушел, но через некоторое время я услышала легкое посвистывание. Не понимая, откуда оно доносится, я покрутила головой — явно из коридора, но Чифу туда нельзя и он прекрасно об этом знает.

Я пошла посмотреть. Чиф сидел у двери Натальиной комнаты и преданно смотрел на меня. Нетрудно было представить, что будет, если Наталья его здесь застукает. Я поманила пса за собой, но он и не думал двигаться с места и снова начал посвистывать.

— Пойдем, глупый, а то тебе сейчас нос отполируют, будешь знать, как по коридорам шляться.

Никакого эффекта. К свисту прибавилось недовольное ворчание, но с места пес не сдвинулся.

— Ну и черт с тобой, сиди, если приспичило. — разозлилась я и вернулась к телевизору.

Как раз начинался фильм, который я очень люблю — «Сердца четырех». Конечно, я видела его уже много раз, но игра актеров, в особенности молодой Целиковской, большеглазой и обаятельной, неизменно доставляла мне удовольствие. А то, что большую часть фильма действие происходило на даче, мне особенно нравилось. Увлечшись фильмом я совершенно забыла про Чифа, тем более, что он не появлялся. Выключив телевизор, я снова услышала тихое поскуливание и удивилась. Да что ж его там так держит? Я подошла к псу и присела перед ним на корточки.

— И что ты тут сидишь, наказание мое? — заглянула я в собачьи глаза.

Чиф скосил взгляд на стену, а потом снова на меня.

— Ну конечно, обычная история — все понимаешь, но сказать не можешь.

Я встала,хватила Чифа за толстый загривок и потянула, пытаюсь сдвинуть его с места. Он недовольно заворчал, но во взгляде не было агрессии, а лишь безмолвная просьба. Я немного подумала и решила сходить за Николашей. Когда мы вдвоем появились в коридоре, Чиф с надеждой вильнул хвостом.

— Ну, Чиф, рассказывай, что сторожишь? — обратился к нему Николаша.

Пес стал взволнованно топтаться на месте, но, видя, что на нас это не производит должного впечатления, вдруг поднялся на задние лапы и толкнул передними запертую дверь в Натальину комнату.

— Ты что делаешь? — зашипел Николаша, пытаюсь оттащить собаку.

— Подожди. — остановила его я. — Чиф терпеть не может Наталью, поэтому без веской причины не стал бы себя так вести.

— Но не можем же мы врваться... — растерялся мой приятель.

— Постучи, а потом войдем. — предложила я.

— Вообще-то Наталья в это время никогда не разрешает себя беспокоить, как, впрочем, и Анна. — Николаша посмотрел на меня со значением.

— Не думаю, что Чифа привлекли лесбийские игрыща. — возразила я.

Николаша тяжело вздохнул и осторожно постучал в приоткрытую дверь. Мы подождали, но никто не отозвался. Николаша постучал еще раз, уже гораздо громче, но результат был тот же. Зато неожиданно открылась дверь соседней комнаты и оттуда выглянула недовольная Анна. Надо было видеть, какое надменное изумление отразилось на ее лице, когда она поняла, кто нарушил ее покой. Честное слово, еще неделя в обществе этих дамочек, и я поверю, что родилась ничтожеством.

— Вы что, рехнулись?! Кто позволил?! — не стала церемониться Анна.

Николаша заметно сдрейфил, но меня было не так просто взять на голос. Я показала на дверь Натальиной комнаты.

— Уже два часа собака не отходит от этой двери. Что-то тут не так, потому что раньше никакой любви к Наталье за псом не замечалось. — мстительно сказала я.

Анна мрачно посмотрела на меня и подошла. Чиф недовольно заворчал.

— Пшел отсюда! — шикнула на него дамочка.

Чиф тут же показал ей правый клык, и она благоразумно решила не связываться.

— Наташа, открой, это я — Анна. — громко сказала она, стуча при этом в дверь.

Мы все напряженно прислушивались, но из-за двери не доносилось ни звука. Анна еще несколько раз постучала, потом неожиданно развернулась и ушла в свою комнату, не удостоив нас взглядом. Мы ошарашенно переглянулись, но не успели облечь в слова свое недоумение, как Анна появилась вновь, держа в руке ключ. Этим ключом она свободно открыла дверь и прошла в комнату. Николаша замялся, а вот меня сейчас могла остановить разве что группа вооруженных чеченских боевиков, и то, смотря чем вооруженных.

Николаша, сколько я его знала, совершенно не годился в лидеры, но всегда был отличным вторым номером, что и доказал, отстав от меня лишь на пару шагов. Так получилось, что захлебывающийся крик Анны, и то, что ее так напугало, предстало нашему вниманию одновременно.

— На кровати, прямо поверх аккуратно застеленного сиреневого покрывала, лежала Наталья. Она была абсолютно спокойна, я бы даже сказала, мертвенно спокойна. Ее голова, повязанная красивой сиреневой шалью, почему-то на старушечий манер (все волосы были прибраны под спущенную на лоб ткань, концы ее туго перекрещены под подбородком, а края расправлены по плечам ровными складками), покоилась на сиреневой подушечке с милыми кружевными оборками. Домашний, опять же сиреневый, халат Натальи доходил ей почти до щиколоток и открывал мягкие сиреневые тапочки с пушистыми шариками на подъеме. Руки были сложены на груди. Создавалось впечатление, что кого-то очень заботила мысль, чтобы поза Натальи точно соответствовала положению покойника в гробу. Глаза ее были плотно закрыты и не хватало только свечи в застывших руках. Но, следуя общему антуражу, здесь сгодилась бы и ветка сирени, только, увы, не сезон.

Теперь сиреневый цвет навсегда будет у меня ассоциироваться со смертью. Я вспомнила, как мама в детстве рассказала мне одну историю. У ее приятельницы погиб муж — это была страшная трагедия для семьи. Он крутил на турнике «солнце» и сорвался вниз головой, сломав себе шею. Мгновенная смерть. Когда его хоронили, жена, на глазах у всех, подошла к гробу и отстригла у покойного прядь волос, спрятав ее в коробочку из-под духов «Серебристый ландыш», очень популярных в то время. С тех пор запах этих духов стойко ассоциировался у мамы с похоронами. Вот и для меня теперь сиреневый цвет — цвет смерти.

Черты лица Натальи уже заострились, а вокруг губ залегла синева, странно гармонируя с общей цветовой гаммой. Из состояния ошалелого созерцания нас вывел нечеловеческий вой — это Анна, наконец, дала волю своему горю. Из коридора немедленно послышался такой-же вой, только более протяжной. Чиф, недавно так рвавшийся в запертую дверь, не решился войти в комнату и теперь оповещал дом о случившейся трагедии.

— Беги за Клавдией Васильевной. — сказала я Николаше и добавила. — Илью оставь с Ольгой, нечего им тут делать.

Анна же, оглушенная случившимся, уже не выла, а ползала возле кровати и причитала, невнятно бормоча какие-то ласковые слова, из которых я смогла разобрать: «На кого ты меня покинула?» и «Милая моя Наташенька!». Ей Богу, я бы искренне посочувствовала горю сестры, если бы перед глазами не стояла давешняя любовная сцена. В этом ракурсе причитания Анны приобретали двойной смысл и сострадания не вызывали. У меня, по крайней мере. Испугавшись, что в порыве горя Анна начнет карабкаться на кровать, я приподняла ее и посадила в кресло. Она обмякла в нем, даже не пытаясь сопротивляться. Тогда я налила в стакан воды и сунула ей в руки. Анна стала лихорадочно пить воду, проливая ее на свой халат, а я подошла к тумбочке возле кровати, потому что меня кое-что заинтересовало. Это был лист почтовой бумаги, согнутый пополам, внутренняя сторона вся исписана. Я отогнула верхнюю половину и прочла первую строку: «Не судите меня строго, я не могла поступить иначе».

Боже мой, так это самоубийство — успела подумать я и тут же услышала за спиной окрик.

— Что ты там делаешь?! — голос Анны дрожал и прерывался, но в нем явственно сквозила лютая ненависть.

Скорее всего в этот момент она ненавидела весь мир в целом, потому что вряд ли моя скромная персона могла вызвать такую бурную эмоцию.

Прежде чем повернуться, я совершенно сознательно спрятала листок под кофту, а потом спокойно ответила.

— Ищу салфетку, у вас все лицо мокрое.

— Принеси полотенце из ванной и сходи за Клавой. — приказала Анна, начиная понемногу приходить в себя.

— За ней уже пошли. — сказала я, подавая полотенце.

Именно в этот момент в комнате появился Николаша и растерянно развел руками.

— Клавдии Васильевны нигде нет, я весь дом обыскал.

— Как это нет? Может она к соседям вышла? — предположила я.

— К каким соседям?! Она ни по каким соседям не шляется Этого еще не хватало! — грубо оборвала меня Анна. — У Олега был? Она целый день там просидела.

— Ой, у него не был. — рванулся к выходу Николаша.

— Подожди, я сама схожу. — остановила я его и, не обращая внимания на Анну, вышла в коридор.

Сделав три шага по направлению к комнате Олега, я вдруг сорвалась на бег. Я испугалась, что и там могу увидеть жуткую картину смерти, напоминающую обряд. Ворвалась я, естественно, без стука. Олег лежал в кровати на спине и с закрытыми глазами. Руки его были вытянуты вдоль туловища. Больше в комнате никого не было. Я схватилась за сердце и невероятным усилием воли заставила себя подойти. В мозгу билась одна единственная мысль: «Господи, спаси и сохрани! Спаси и сохрани!». И тут я увидела, что

Олег дышит. Схватив его за руку, я затрясла ее, что было сил. Олег испуганно вскинулся и недоуменно уставился на меня, а я, не в силах совладать с собой, утирала внезапные слезы, горохом катившиеся из моих глаз. Он сел на кровати и притянул меня к себе.

— Что случилось, почему ты плачешь?

— Плачу потому, что ты живой. — прохлюпала я ему в плечо.

— Перестань, глупости какие. Почему я должен быть неживой?

— Да, глупости?! Я сейчас из Натальиной комнаты. Она умерла, Олег! — прокричала я ему прямо в лицо.

— Что? Что ты сказала?! — он встряхнул меня за плечи.

— Не тряси. Я сказала, что она умерла. Пока не знаю как, но тебе стоит самому все это увидеть — обмякла я, ощутив вдруг непомерную тяжесть всего, происходящего в доме.

Олег уже завязывал халат и надевал тапочки, а я все еще сидела на кровати и не находила в себе сил подняться.

— Пошли, скорее! — окликнул он меня уже в дверях.

Когда мы вошли в Натальину комнату, я увидела, что мизансцена за это время не поменялась. Анна сидела в кресле с полотенцем в руке, а Николаша привалился к стене возле двери. Олег сразу же подошел к кровати и долго смотрел на свою мертвую жену. Потом протянул руку и пощупал у нее пульс. Напрасный труд.

— Как это случилось? — спросил Олег у всех сразу.

— Тебя это так волнует? — зло прошипела Анна из глубины кресла.

— Я понимаю твою горе и не хотел бы лишней раз травмировать тебя, но, если не оставишь свои злобные выходки — пеняй на себя! — неожиданно жестко отреагировал Олег, отвернувшись от кровати и глядя Анне прямо в глаза.

Я тут же напряглась в предчувствии скандала, но ничего не произошло. Анна медленно отвела взгляд и, с трудом совладав со своими эмоциями, сказала почти спокойно.

— Мы ничего не знаем. Вошли, а здесь все так, как ты видишь.

— Где Клавдия? — снова спросил Олег.

— Мы думали, что она у тебя, потому что нигде в доме ее нет. — сказала Анна.

— А где Илья? — вдруг встревожился он.

— Не волнуйся, он с Олей. — успокоила я.

Олег еще раз внимательно осмотрел кровать, Наталью, комнату и сказал.

— Нужно вызывать милицию.

— А частный детектив подойдет? — спросила я, переглянувшись с Николашей.

— Какой частный детектив? — удивился Олег, а Анна метнула в мою сторону настороженный взгляд.

— Может быть, выйдем отсюда. — предложила я, кивнув на кровать.

— Да. — согласился Олег. — А комнату я закрою. Где-то был ключ.

Я показала ему глазами на Анну. Олег подошел и молча протянул руку. Анна неохотно полезла в карман и вложила ключ в руку Олега.

Мы все вышли, Олег тщательно запер дверь и поманил меня в холл. Анна демонстративно скрылась в своей комнате.

— Ну, говори. — нетерпеливо сказал Олег.

Я рассказала ему про последние события, про джем и про частного детектива Вадима, который уже фактически приступил к расследованию.

— Да, много чего я пропустил, пока отлеживался. — сказал Олег.

- Ну, джем-то ты точно не пропустил. — напонила я.
- Что же в нем могло такое быть? — приложил он руку к области желудка.
- Может быть, Вадим уже знает. Давай я его позову.
- Да. Пусть придет как можно быстрее. — напутствовал меня Олег.

О произошедшем я рассказала Вадиму по пути к нашему дому.

— Ну и закрученная у вас тут ситуация. — подивился он.

— Не передумал еще заниматься этим? — подначила я.

— Нет, что ты! Чем замысловатей, тем интересней. Да, кстати, в джеме обнаружена отравка для крыс. Банальная, но опасная штука, я тебе скажу. Да не бледней ты так! Если он до сих пор жив, то будет жить и дальше.

Мы вошли в холл. Анна, успевшая переодеться, сидела напротив выключенного телевизора. Олег мерил шагами ковер, а Николаша робко притулился на краешке дивана. Когда мы вошли, он заметно расслабился и даже позволил себе облокотиться на спинку. Я представила всех присутствующих. Анна едва кивнула, настороженно рассматривая пришедшего, а Олег крепко пожал парню руку и тут же увел его в комнату Натальи. Мы трое остались.

— Когда это ты успела познакомиться с частным детективом? — спросила у меня Анна.

— Когда Максим, наш сосед, нанял его для расследования покушения на жизнь своего деда. — невинно моргая, ответила я.

Анна внимательно посмотрела на меня, хмыкнула, и больше не произнесла ни слова. Вернулись Олег с Вадимом. Мы дружно уставились на них, ожидая разъяснений. Оглядев нас всех, Вадим сказал.

— Ее отравили или она отравилась сама — пока не ясно. Есть еще кто-нибудь в доме? — обратился он к Олегу.

— Да, мой сын и горничная Оля. Должна еще быть Клавдия Васильевна, наш мажордом так сказать, но ее никто не может найти.

— То есть?

— Ну нет ее нигде. Ни в доме, ни в саду. Обычно она никогда не отлучалась, не поставив нас в известность. Все это очень странно. — сказал Олег.

— Я бы хотел поговорить с каждым, кто живет в этом доме. Прошу вспомнить весь сегодняшний день с самого утра — как выглядела Наталья, как себя вела не была ли взволнована или, наоборот, подавлена — обратился Вадим ко всем нам.

— Да! — вспомнил Олег. — У нас еще живет садовник, но сегодня он помогает кому-то оборудовать садовый участок. Так мне утром сказала Клавдия Васильевна.

И вдруг меня как молнией ударило. Ну и кляча я безмозглая!

— Вадим, одну минуту! — вскрикнула я, шаря рукой у себя под кофтой.

Все недоуменно смотрели на меня, а я нашла, наконец-то, листок, припрятанный еще в комнате Натальи и с виноватым видом протянула его детективу.

— Что это? — спросил он и начал читать.

Я не ответила, потому что по меняющемуся выражению его лица было понятно, что он уже знает что это. Вадим помахал запиской в воздухе и вкрадчиво поинтересовался.

— Где ты это взяла?

— На тумбочке, возле Натальиной кровати. А припрятала, чтобы не пропал ненароком в суматохе. Только вот вспомнила лишь сейчас.

— Хорошо, что хоть сейчас вспомнила. — ехидно похвалил меня Вадим.

Я опустила голову. Детектив подошел к дивану, сел и попросил всех тоже сесть. Мы

устроились кто-где, благо сидячих мест в холле было предостаточно. Оглядев присутствующих, Вадим раскрыл записку и начал читать вслух.

— «Не судите меня строго, я не могла поступить иначе. Уже давно я замечала за моей Натальюшкой непонятное злое равнодушие ко всем, кроме меня, да еще Анны. А недавно она призналась мне, что собралась известить своего мужа — свести его с ума и отправить в психбольницу, а Илью потом сдать в интернат».

Я посмотрела на Олега и испугалась. Он был ужасно бледен, в глазах горел мрачный огонь, а желваки на скулах ходили так, что того гляди начнут крошиться зубы. Вадим же, тем временем, продолжал читать записку.

— «Как я ее уговаривала не делать этого. Грех-то какой! Но она пригрозила, что выгонит меня из дома, если я донесу обо всем Олегу. Что я могла? Ведь Натальюшка была моя любимая кровинушка. Но сил не стало смотреть на то, как чахнет Олег, да и мальчик в придачу. Что она с ними делала, я не знаю, только в доме стало как в аду. А как-то я застала Наталью на кухне возле шкафчика с продуктами. Она ставила туда банку с джемом, который ест в доме только Олег. Когда же сегодня Олегу после завтрака стало очень плохо, я поняла, что Наталья задумала его отравить.

Пусть Бог осудит меня — все в его руках. Сегодня за обедом я подмешала Наташе в чай крысиного яда. Умирала она у меня на руках, в мучениях, но быстро. Я сама обмыла и обрядила мою ягодку по всем правилам так что положите ее сразу в гроб и похороните по-христиански. Себе я тоже сделала такой чай. Пойду подальше, да выпью.

Простите и прощайте. Клавдия».

Сказать, что мы были ошарашены, значит ничего не сказать. Мы были раздавлены этой всепоглощающей любовью няни к своей воспитаннице. Какое нужно самоотречение, чтобы так быть преданной этой равнодушной и жестокой кукле! Какой зашоренной надо быть, чтобы убить свою любимицу, избавляя ее от греха, а потом самой добровольно отправиться вслед за ней в ад, только бы не расставаться со своей кровиночкой.

Наверное молчание тянулось бы еще долго, если бы Анна неожиданно не забилась в отвратительной истерике. Некрасиво сползая с кресла на ковер, она хохотала, выкрикивая при этом коротко и зло.

— Ха-ха, дура! Старая никчемная дура! Ха-ха-ха! Кто дал ей право решать, кто позволил убивать?! Ты же мне всю жизнь поломала, идиотка старая! — Анна стала грозить кулаками, воздевая руки к небу.

Олег подошел к Анне и попытался привести ее в чувство, но она тут же переключилась на него.

— Что, небось радуешься?! Доволен, что жив остался со своим ублюдком? — Олег отшатнулся, а Анна продолжала выкрикивать, безобразно кривя рот. — Дура была Клавка! Ни за что Наталью сгубила! Ей бы понаблюдать подольше — она бы поняла, что Наташка тебя и твоего щенка травить не собиралась. С ума свести — да, а отравить до смерти — это для нее не интересно, не развлекает!

И она забилась на полу, выкрикивая проклятья, заливая ковер злыми слезами и колотя по нему кулаками в бессильной злобе на отошедшую в мир иной Клавдию. Вадим, сидевший неподвижно во время всей истерике и внимательно слушавший выкрики Анны, поднялся, обошел остолбеневшего Олега и наклонился над женщиной. Та продолжала биться и кричать, не обращая на него внимания. Вадим улучил момент и со всей силы вlepил Анне такую пощечину, что я даже вздрогнула от неожиданности.

Анна захлебнулась криком и уставилась на Вадима вытаращенными глазами. Потом она покосилась на его руку, готовую ко второй пощечине и затихла окончательно. Вадим, как в лучших старых водевилях, сказал.

— Простите, мадам, у вас была истерика.

Анна тяжело поднялась с пола, одернула халат и заново подпоясалась. Вид у нее был еще тот. Осмотрев женщину с ног до головы, Вадим скомандовал.

— Приведите себя в порядок и через десять минут приходите сюда снова. И не вздумайте дурить, дело очень серьезное.

Анна молча развернулась и скрылась в коридоре.

— Не сбежит? — Спросила я через некоторое время.

— А с чего бы ей бежать? — спросил в ответ Вадим. — Она, вроде как чистая, даже в письме Клавдии про нее ни слова.

Десять минут прошли и в коридоре послышались шаги. Анна выполнила просьбу Вадима и даже перевыполнила. Она не только привела себя в порядок, но и собралась в дорогу. Брюки, легкий пиджак и спортивная сумка с вещами через плечо — в таком виде она предстала перед нами.

— Я полагаю, что здесь мне больше делать нечего. Теперь у меня не осталось ни одного близкого человека. Надеюсь, ты займешься похоронами и сообщишь мне дату? — обратилась она к Олегу и тот машинально кивнул.

Анна пошла к двери, совершенно игнорируя всех остальных, но за пять метров до выхода ее остановил голос Вадима.

— Боюсь, что вы не сможете присутствовать на похоронах своей сестры.

— Что такое?! — резко обернулась Анна, снова обретя свойственную ей надменность. — И почему же?

— Потому, что вы в это время будете находиться в камере предварительного заключения и вам будет предъявлено обвинение в покушении на жизнь вашего соседа Юллена Семеновича. А также аналогичное обвинение в отношении вашего зятя Олега Константиновича и его сына Ильи, которых вы собирались отравить газом, но устали ждать и применили крысиный яд. Так-что вы правы, Клавдия Васильевна слишком поторопилась убить вашу сестру. Вернитесь в кресло, Анна, боюсь, что вам еще не пора покидать наше общество. — закончил свою речь Вадим.

Анна уже пару минут, когда окончательно поняла, что ее раскусили, начала затравленно озираться по сторонам. Она понимала, что убежать через дверь не удастся. Стоит ей сделать шаг в этом направлении и ее тут же схватят. Напряжение достигло своего апогея, когда неожиданно для всех, и для самой Анны, из левого коридора выскочил Илья. Он остановился в опасной близости от своей, так называемой, тетки и недоуменно оглядел всю нашу компанию.

Все произошло в мгновение ока. Анна схватила мальчика за руку и дернула к себе. Илья потерял равновесие и наверняка упал бы, но Анна перехватила его одной рукой под подбородок, а другой надавила на затылок. Тонкая шейка мальчика выгнулась и на ней запульсировала голубая вена, которую я раньше не замечала.

Олег было рванулся к сыну, но Анна остановила его криком.

— Стоять!! Я уже сказала, что у меня совсем не осталось близких людей, так что мне терять нечего. Придушу ублюдка, как куренка, а потом сажайте, мне уже все равно.

— Никому не двигаться! — взял инициативу в свои руки Вадим. — Анна, отпустите

мальчика и мы договоримся. Вы ведь в результате никого не убили. Это зачтется на суде, не усугубляйте свое положение.

— Пошел ты, сыскарь поганый! Вы все тут твари, я вас всех ненавижу! Жаль, что никого не убила. Может, сейчас исправить положение? — и она посильнее надавила Илье на голову.

Мальчик задергался у нее в руках и захрипел. Мужчины напряглись, но Анна ослабила хватку и Илья перестал дергаться.

— Короче, шутки в сторону. Сейчас вы все зайдете в правый коридор, чтобы я могла спокойно уйти. Договорились? — издевательски спросила она. — Пацан — заложник. Если кто-нибудь дернется в мою сторону — сверну ему шею.

Даже мне была видна безнадежность ситуации, а уж Вадиму и подавно. Он велел всем уйти в правый коридор и сам пошел за нами. Олег обхватил голову руками и уткнулся лбом в стенку. Вадим же сразу достал из кармана портативную рацию и негромко стал вызывать какую-то «березу». Ему откликнулся мужской голос.

— Где ты? — спросил Вадим и выслушав ответ, приказал. — Срочно оцепите дом, куда я вошел. Цель — женщина в брюках со спортивной сумкой через плечо. С ней может быть десятилетний мальчик — это заложник. Дорога в оба конца тоже ваша. Выполняйте!

Вадим дал отбой и повернулся к нам.

— Ну что, можно вернуться в холл. Мои ребята работают — будем ждать результатов. На крыльцо пока никто не выходит. — строго предупредил он.

Мы поплелись назад и расселись, кто где захотел. Я осторожно приблизилась к Олегу и села рядом с ним на диван. Он повернулся ко мне, посмотрел большими глазами и неожиданно притянул к себе, зарывшись лицом в мое плечо. Я обняла его, но реветь не стала, понимая, что Олегу и без того плохо. Больше всего он страдал от вынужденного бездействия, как и все остальные. Мы сидели обнявшись, никого не стесняясь, и вдруг Олег выдохнул мне прямо в ухо.

— Там наш мальчик, ему сейчас плохо.

Я не сразу поняла смысл сказанного, зацепившись за слово «плохо», но постепенно до меня стало доходить. Он сказал «наш» мальчик! Меня словно обожгло — Олег прав, Илья дорог мне почти также, как и ему. Это действительно наш мальчик и больше ничей! Я обняла Олега еще крепче, но снова сдержала слезы. Потом заплачусь, может Бог даст, от радости.

Вдруг распахнулись входные двери и в холле появился крепкий молодой человек, толкая перед собой совершенно растерянного дядю Павла.

— Вадим, ваш старичок? Он говорит, что живет в этом доме.

Вадим вопросительно посмотрел на Олега.

— Наш, наш. — ответил Олег. — Павел, идите сюда, садитесь. Николай, расскажи ему вкратце, что тут произошло.

Николаша забормотал на ухо садовнику, умеренно жестикулируя, а мы снова погрузились в ожидание. Сотрудник Вадима ушел, рация молчала, мы тоже молчали. Наконец рация ожила, Вадим выслушал доклад, отключился и повернулся к Олегу.

— Их не нашли. Ничего не могу понять — мои ребята были рядом и подключились практически сразу. Не могли они их просмотреть. Может, быть кто-нибудь из вас знает, где тут можно так качественно спрятаться?

Все стали переглядываться и вдруг голос подал дядя Павел.

— Так это, я знаю одно такое местечко. — пробасил он.

— Ну, уважаемый, не молчите, мы вас слушаем. — подбодрил Вадим.

— Здесь недалеко от ворот есть колодец. Если в него спуститься, то дальше идет подземный ход. А вылезает сразу у трассы.

Вадим взглянул на Олега. Тот прижал руки к груди.

— Я ничего не знал.

— Он не знал. — подтвердил дядя Павел. — Знали только я, Наталья и Анна. Я же здесь со старых хозяев работаю. Когда дом продавали, меня попросили все здесь показывать покупателям. Дамочки как подземный ход увидели, так наказали никому больше не говорить. А я что, я выполняю.

— Ох уж мне эти тайные ходы! Прямо средневековые какое-то. — посетовал Вадим. — Ну, отец, давай, веди в катакомбы.

Все дружно поднялись и вышли во двор вслед за детективом и его провожатым. Крышка колодца утопала в траве и в призрачном свете большой уличной лампы казалась черной дырой. Дядя Павел легко приподнял ее и сдвинул в сторону. Вадим посветил в яму фонариком и констатировал.

— Не глубоко. Так, я спускаюсь, а вы все ждете. Ясно?

— Я с тобой! — твердо сказал Олег, вставая на краю ямы.

Вадим внимательно посмотрел на него, поскреб в затылке ручкой фонарика и утвердительно кивнул. Вдруг что-то большое и черное, растолкав стоящих, ухнуло в яму. Все отпрянули от неожиданности.

— Что это было? — округлил глаза Вадим.

— Это Чиф! — крикнула я. — Давайте скорее, там наверняка Илья!

В это время из лаза донесся приглушенный собачий лай.

— За мной! — скомандовал Вадим и проворно полез в отверстие, Олег от него не отставал.

Все сгрудились вокруг дыры и замерли в ожидании, напряженно прислушиваясь к звукам, которые могли донестись оттуда. Но все было тихо, даже Чиф замолчал. Господи, как страшно! Что они там обнаружили, почему молчит пес, почему вообще ничего не слышно?! Неизвестность щемила сердце мучительными спазмами. Неожиданно для всех, бесшумно, как дикий зверь на охоте, из лаза выпрыгнул Чиф и, не обращая внимания на испуганные возгласы, устоялся в глубину хода.

— Эй, кто-нибудь! — донесся оттуда голос Олега — Помогите!

Николаша и дядя Павел встали возле дыры на колени и приняли из рук Олега безжизненное тело мальчика. Я кинулась к ним и помогла уложить Илью на траву. Он был теплый и дышал. Спасибо тебе, Господи, он живой!

Илья лежал в странной позе, заведя руки за спину. Я перевернула его и увидела, что запястья мальчика стянуты какой-то тряпкой. Осторожно, чтобы не причинить боль, я стала развязывать тряпку. Подоспевший Олег поддерживал сына за плечи, чтобы мне было удобней. Когда я размотала последний виток, Илья застонал и открыл глаза. В первое мгновение в них плеснулся ужас, но узнав отца, мальчик скривился и заплакал, бросившись Олегу на шею. Я глотала слезы и растирала Илье худенькие трогательные запястья.

— Ой! — Илья затряс в воздухе руками. — Колется как иголками.

— Это хорошо. — сказала я. — Значит кровообращение восстановилось. И вообще, теперь все будет хорошо.

Я поцеловала парня в чумазую щеку, а он прильнул ко мне, не отпуская руки Олега.

Олег обнял нас обоих, и мы сидели на траве, образуя замкнутый круг. Вот бы так все время. Но идиллию разрушил Вадим, неожиданно войдя в калитку и всех перепугав.

— Ее нигде нет. Я прошел подземным ходом до самой дороги. Наверное, она поймала попутку, движение там довольно оживленное, даже так поздно. Олег, пойдём-ка, нужно переговорить.

— Тань, забери Илью в твою комнату, пусть с тобой будет. Я скоро приду. — сказал Олег и пошел за Вадимом.

— Когда я рассмотрела Илью при нормальном свете в комнате, то тут же погнала его в душ. Мальчишка не отпустил меня от себя, попросив посидеть рядом за занавесочкой. При этом он не умолкал ни на секунду, взяв рассказывая мне, как испугался, когда тетя Аня схватила его, как было больно, когда она стала выкручивать ему шею. И, наконец, как было жутко, когда она заталкивала его в яму и связывала руки.

— Теть Тань, а почему она сказала, что это я должен был сдохнуть, а не Наталья?

— Ты выходи поскорей, и я тебе все объясню. — подала я Илье свой банный халат, при этом лихорадочно соображая, стоит ли ему сейчас рассказать о том, что произошло в доме.

Илья вышел из душа порозовевший, с волосами, торчащими во все стороны. Я взяла расческу и стала приводить в порядок его вихры, продолжая раздумывать. И, наконец, решилась.

— Илья, ты должен знать. Твоей мамы... То есть, я хотела сказать, Натальи больше нет.

Она умерла.

Мальчик смотрел на меня во все глаза и молчал.

— Тетя Клава тоже умерла. — добавила я, ничуть не сомневаясь, что няня пережила свою любимицу не более, чем на несколько часов.

— Почему? — тихо спросил Илья и губы его задрожали.

— Они съели что-то плохое и отравились.

— Джем? — снова тихо спросил он.

— Может быть и джем, я не знаю.

— А папа не умрет? — глаза ребенка наполнились слезами.

— Никто больше не умрет, не переживай. Теперь все будет хорошо, я же тебе обещала. Пошли-ка спать, уже очень поздно.

Я расстелила свою кровать, Илья забрался под одеяло и задал мне неожиданный вопрос.

— Теперь ты будешь моя мама?

— Понимаешь, человечек. — я старательно подбирала слова. — Мама у тебя есть и всегда будет, и неважно, что ее нет рядом с тобой. Ведь она тебя родила и очень любила. А я обещаю, что буду любить тебя так же, как любила родная мама.

Странно, но такое взрослое путанное объяснение удовлетворило Илью и он мгновенно уснул, не успев убрать улыбку из уголка по-детски пухлых губ. Я сидела и смотрела на спящего ребенка, пока не пришел Олег. Он присел на корточки перед кроватью и с любовью посмотрел на сына.

— Как он?

— Извини, Олег, но я сказала ему, что Натальи и Клавдии Васильевны больше нет Анна, со злости, выболтала ему, что Наталья умерла.

— Ну и ладно. Он, конечно, ребенок, но все-таки будущий мужчина, пусть закаляется. А почему он улыбается?

— Потому, что он, конечно, будущий мужчина, но все-таки еще ребенок. — ответила я.

— Пойдем в мою комнату, я расскажу, о чем говорил с Вадимом. — неожиданно предложил Олег.

— А как же Илья? — спросила я, чтобы скрыть свое волнение.

— Ничего, он так намучился, что будет спать беспробудно всю ночь.

О чем Олег разговаривал с Вадимом я узнала только на следующее утро. Когда мы оказались наедине в комнате Олега и взглянули друг другу в глаза, все отошло на задний план и потеряло актуальность. Так меня еще никто не любил. Это было чудо, сказка, фантастика! В общем, что-то запредельное. Какой он был нежный, предупредительный и в то же время сильный и чувственный. Я тонула в его поцелуях, таяла от его ласк и стонала под тяжестью его разгоряченного желанием тела. Пока я еще что-то могла соображать, спрашивала себя: «Где раньше был этот потрясающий мужчина?» и сама себе отвечала: «Он ждал меня, а я ждала его — это же очень просто».

Когда все закончилось еще более феерически, чем начиналось, он не отвернулся, не вздохнул устало и не уснул, как частенько поступают мужчины, удовлетворив свою страсть. Он нежно прижал меня к себе и прошептал на ухо.

— Танюша, я тебя люблю!

— Я тоже тебя люблю, еще раньше, чем ты. — сказала я в ответ.

И вот тут он заснул. Сказалось нечеловеческое напряжение суматошного дня. Да и не настолько он избавился от последствий деятельности сестричек, как ему могло показаться. Я лежала и рассматривала лицо любимого человека. Он спал, а в уголках его губ застряла такая же улыбка, как и у Ильи.

— Мальчишки вы мои, мальчишки. — прошептала я и тоже уснула.

Проснувшись я от шума воды в душе. Не сразу поняла, где нахожусь, но истома, разлитая по всему телу, напомнила мне события прошедшей ночи. Из душевой вышел Олег и сразу же направился ко мне. Гладко зачесанные волосы гладко блестели, а губы у него были мягкими и пахли свежестью.

— Пойдем, проведем Илью. — предложил он. — Ты приведешь себя в порядок и мы вместе позавтракаем.

Илья крепко спал, разметавшись на моей кровати, и просыпаться не собирался. Мы немного постояли над ним, обнявшись, и я пошла приводить себя в порядок. Завтракать решили без Ильи.

Олег попросил грустную Ольгу накрыть нам в холле на журнальном столике. За завтраком он было начал пересказывать вчерашний разговор с Вадимом, но нам помешал дядя Павел. Он появился в дверях с сиреневым шарфом в руке, в котором я сразу узнала тот, что был у Анны сначала под подушкой, а потом в кармане халата.

— Возле ямы нашел, думаю, дай принесу, мало ли что. — ответил он на наш немой вопрос.

Олег поблагодарил садовника и стал удивленно рассматривать шарф.

— Натальин что ли?

Я рассказала ему, что это за шарфик и посоветовала отдать Вадиму.

— Да, кстати, Вадим прямо с утра обещал вызвать милицию и кого там еще положено, чтобы Наталью увезли на вскрытие. — вспомнил Олег.

Я поежилась, надо же, за всю ночь мы даже не вспомнили о Наталье. Хотя, кто знает, может быть Олег и вспоминал, ведь она была его женой на протяжении нескольких лет. Как о таком забудешь? Неожиданно меня снова кольнула ревность — гадостное чувство, которое

питается подозрениями, намеками, недомолвками, сплетнями и никогда — фактами. Ведь факт — это уже свершившееся, поздно ревновать, пора начинать действовать. Я поспешно дала себе слово — не ревновать Олега к его жене, тем более, она уже хладный труп. Да и вообще пора совсем избавиться от ревности — она унижает обоих. Мои невеселые мысли прервало появление Вадима собственной персоной. Он был бодр и свеж, а энергия клубилась вокруг него почти зримо.

— Привет честной компании, Заканчивайте поскорее — труба зовет. Мои ребята с самого утра начали поиски Клавдии Васильевны. Пока успели нарыть только то, что ее видели спускающейся к озеру. Сейчас там ищут, может она решила еще и утонуть для верности, после того, как отравилась. — предположил Вадим.

Меня же начали одолевать какие-то смутные догадки.

— Послушайте, в письме Клавдия Васильевна постоянно поминает Бога. Да еще эта фраза «Уйду умирать». Мне кажется, что она не в озере. — задумчиво сказала я.

— А где же? — заинтересовался Вадим.

— В церкви. — все больше утверждалась я в правильности своей догадки. — Точно! В церкви!

— Пойти умирать в церковь? Да она у вас большая оригиналка. — покачал головой Вадим.

— Это разрушенная и заброшенная церковь, туда редко кто заходит. — возбужденно пояснила я.

— Ну что ж, проверить, пожалуй стоит, а Олег?

— Да, все может быть. — задумчиво подтвердил Олег.

— Ну, тогда пошли. Ребят своих не буду пока беспокоить, сами все проверим.

— Подожди. — спохватилась я. — Дядя Павел шарфик принес, помнишь, тот самый, который зацепился за подозрную трубу и оставил на ней ниточки? Анна именно им Илье руки связала, а я ночью не разглядела, подумала, что простая тряпка.

Вадим тут же прибрал улику и мы отправились к церкви. Настроение у всех было какое-то мутное. Даже детектива проняло и он на время оставил свои приколы. Вот она, знакомая поляна, а на ней мрачно высится церковь, напоминающая израненного в бою богатыря, лишившегося своего блестящего шлема — маковки. Дверной проем страшил своей бездонностью и неизвестностью. Скорее всего эта мрачность была навеяна причиной, по которой мы тут оказались, но легче от этого не становилось. Мужчины прошли внутрь, а я замешкалась на пороге, собираясь с силами. Но тут изнутри послышался возглас: «Вот она!» и я шагнула под церковные своды.

Да, это была Клавдия Васильевна. Смерть остановила ее в нескольких шагах от того места, где раньше находился алтарь. Она лежала на правом боку, вытянув вперед правую руку, а левая была прижата к животу, в бесполезном порыве унять страшную предсмертную боль. Глаза ее были широко открыты, а рот искривила гримаса.

Некому было позаботиться о ее приглядном виде, некому было разгладить мученический излом бровей и милосердно закрыть глаза. Пусть благодарит Наталью, если встретит ее там, за то, что умерла как собака, хоть и на усыпанном кирпичной крошкой церковном полу.

Я оставалась внутри, когда Вадим вызвал своих ребят с носилками. Они погрузили на них окоченевшее тело женщины и унесли. Я не могла объяснить себе, что держит меня в этой церкви, но не сразу сдвинулась с места, когда Олег позвал меня. Наверное у меня был

странный вид, потому что он не стал настаивать, а вышел и ждал снаружи. Я же стояла и обводила взглядом стены, своды, пустые окна. Может быть, и в этой, забытой людьми, но не Богом, церкви снова когда-нибудь зажгутся свечи и озарят таинственным мерцанием лики святых. А пока смерть осенила своим присутствием это святое место. Живым пора на свежий воздух.

Мрачное настроение не оставляло меня до тех пор, пока оба трупа не погрузили на прибывшую из города машину и не увезли в морг. Оставалось лишь одно незавершенное дело — Анна, но это уже было дело частного сыщика, который как раз в этот момент беседовал с милицейским капитаном, прибывшим на новенькой «Волге». Мы же сидели на скамейке возле крыльца и ждали, когда же уляжется вся эта суматоха.

— А где Илья? — вдруг спохватилась я. — Неужели спит еще?

— Нет, он у соседей, его туда Ольга отвела. — сказал Олег. — Они уже все знают и согласились за ним присмотреть.

— Плохая я оказалась гувернантка, не справляюсь со своими обязанностями. — вздохнула я.

— Никогда больше не называй себя этим словом! — неожиданно разозлился Олег. — Это для Натальи с Анной все были слуги, горничные, да гувернантки. А ты? Ведь Илья тебя любит, разве не заметно?

— Чего ты вскинулся и что значит «любит»? — осадил я Олега. — Просто у нас с ним очень хорошие отношения. Как он может меня любить, ведь я ему совсем чужая?

— Чужая? Видела бы ты себя со стороны, когда я Илью из ямы достал. На тебе же лица не было от переживаний. Меня не обманешь. Сознайся, ведь он для тебя не просто воспитанник на две недели? — и Олег посмотрел на меня так, что я тут же решила перестать кривляться, а сказать ему все, как есть на самом деле.

— Да, этот мальчик запал мне в душу, не буду отрицать. И сердце за него болит, как за своего собственного сына, которого, к сожалению, у меня пока нет.

Олег внимательно наблюдал за мной, пока я говорила и неожиданно протянул руку к моим губам, прерывая.

— Подожди, уж очень неподходящий день мы выбрали для таких разговоров. Давай не будем продолжать сейчас, сразу после всего, что мы пережили. Продолжим, когда успокоимся.

Я согласно кивнула и предложила пойти к соседям, чтобы забрать Илью. Встретили нас там со всем радушием и тут же усадили пить чай. Не обошлось без короткого рассказа о последних событиях. При известии, что Анне удалось бежать, старики немного приуныли, но мудрая Лина Семеновна поразила нас глубоким по смыслу изречением.

— Кто жив, тот непременно объявится. — задумчиво сказала она, помешивая ложечкой в стакане.

Мне, признаться, от такого пророчества стало немного не по себе. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы собрались уходить.

— Сталя, дай мальчику с собой яблочко. — неожиданно обратился к сестре Юнлен Семенович.

— Как вы ее назвали? — удивилась я.

— Сталя, а что такое? — поинтересовался он. — Ах, да, вы же не знаете, что ее полное имя Сталина. Все зовут ее Линой, а я иногда как наша мама — Сталей.

Упрямство родителей этих престарелых близнецов не знало предела. Уж назвать, так

назвать!

— А что вы думаете, Танечка, мы одни такие? Отнюдь! Поспрашивайте у наших сверстников и окажется, что Николай — это никакой не Коля, а Коллектор. Мила — Милиция. Да мало ли имен родилось после революции. — махнул рукой Юнлен Семенович.

Мы пожелали хозяевам хорошего самочувствия и удалились, едва сдерживая смех. На следующее утро нам всем троим предстояло отправиться в город. Олега ожидали хлопоты по поводу похорон, а один он ехать не хотел. Я поняла, что Олег опасается появления Анны и хочет держать Илью поближе к себе.

Поехали налегке, потому что планировали вернуться после похорон обратно в загородный дом. Илья сидел на переднем сиденье, рядом с Николашей, а мы с Олегом расположились на заднем, стараясь, чтобы в зеркальце не было видно, как мы держимся за руки и изредка украдкой целуемся. Право смешно, как дети.

Меня подвезли к моему дому и высадили. Нужно было кое-что собрать из личных вещей, да и посмотреть, как там мое жилище. Олег передал мне ключ от своей квартиры и мы договорились, что я подъеду прямо туда и буду с Ильей, когда Олегу понадобится уйти.

Я сидела в своей квартире в глубоком мягком кресле и вспоминала, сколько всего произошло с тех пор, как я вышла отсюда и села в «джип» Толика Морозова. Покушения, отравления и, наконец, две смерти. В задумчивости я смотрела на обложку журнала с рекламой колготок. Шикарный автомобиль с открытыми дверцами, а оттуда выставлены напоказ разнообразные ножки, одетые в колготки. Только ножки — никаких остальных частей тела. Что-то мерзкое было в этой рекламе, только не сразу понятно — что именно. Я с досадой перевернула журнал. Расчлененка какая-то, право слово! Придумают же!

Подсев к телефону я набрала номер и услышала веселый голос Танюши. «А ведь она должна была быть сейчас на моем месте, если бы не вывих» — мелькнуло в голове.

— Привет хроменьким. Как наши связки? — бодро спросила я.

— Татьяна! Как я рада тебя слышать. Ты откуда? — закричала в трубку подруга.

— Да не кричи ты так, я из дома.

— Из дома? А почему, что случилось? — опешила Танюша.

— Много чего случилось, но об этом при встрече.

— Ты в порядке? — озаботилась она.

— В порядке я, в порядке. У тебя-то как дела?

— Гипс пока не сняли, но обещают, что скоро снимут. Мне уже совсем не больно. — порадовала меня Танюша.

— Толик, как сиделка, справляется со своими обязанностями? — подначила я ее.

— Справляется, даже очень. — засмеялась она.

— Ну, тогда привет ему. Мне снова нужно будет вернуться за город. Пока! Выздоровливай поскорей.

— Целую! — прокричала Танюша.

— Я положила трубку и телефон тут же зазвонил.

— Подруг обзваниваешь? — прозорливо спросил Олег.

— И как ты догадался? — рассмеялась я.

— Тань, мне уже нужно уходить, ты скоро?

— Да, сейчас приеду. Иди спокойно, только предупреди Илью, чтобы никому не открывал. Я в дверь звонить не буду, воспользуюсь ключом.

— Хорошо. Вечером я вас двоих приглашаю куда-нибудь поужинать.

— Приглашение принято. — кокетливо ответила я и дала отбой.

Я быстро собрала сумку, купила Илье на остановке шоколадку и на автобусе проехала три остановки до их дома. Подойдя к двери и вытащив из сумки ключ, в вдруг замешкалась. Довольно странные чувства испытываешь, когда стоишь перед дверью чужой квартиры, с чужим ключом в руке и должна открыть эту дверь практически в отсутствие хозяев. Да и ключ-то, наверное, принадлежал Наталье. Даже не наверное, а скорее всего ей и принадлежал. На связке не было никакого брелка, должно быть снял деликатный Олег, чтобы совсем обезличить ключи. Дорогой замок бесшумно открылся, и я шагнула внутрь квартиры, а когда собралась закрыть дверь, до меня донесся сдавленный детский крик и следом грубый окрик.

— Заткнись, гаденыш, придушу!

Я бросила сумку на пол и ринулась в комнату. Передо мной открылась потрясающая картина. В кресле, съездившись и забившись поглубже, сидел Илья. Глаза его были закрыты, а по щекам катились крупные слезы. Возле стола, спиной ко мне, стояла Анна и торопливо собирала в прозрачный пакет какие-то документы. Бумаги шуршали и она не слышала, что кто-то вошел в комнату. Илья в этот момент судорожно всхлипнул, а Анна, не оборачиваясь, зло пригрозила.

— Если не заткнешься, считай, ты труп.

— От трупа слышу. — звенящим от напряжения голосом сказала я и направилась к Илье.

Анна оглянулась, прыгнула к креслу и выхватила из него Илью, поставив мальчика перед собой, как щит. Она опередила меня всего-то на каких-нибудь пару секунд.

— Ты?! — не сразу узнала она меня. — Что ты тут делаешь? А ну, отойди к двери!

Ее глаза забегали, она старалась заглянуть в коридор, нет ли там кого-нибудь еще. Потом снова обратилась ко мне.

— Как ты попала в квартиру?

Я помахала в воздухе связкой ключей, которую все еще держала в руках.

— Бросай мне! — скомандовала Анна, ничуть не сомневаясь, что гувернантка не посмеет ослушаться приказа хозяйки.

Я демонстративно опустила ключи в карман джинсов. Анна прищурилась, ухмыльнулась и тоже демонстративно схватила голову Ильи уже привычным для нее жестом и слегка повернула. Парень жалобно заскулил. Внутри у меня все задрожало от сдерживаемого бешенства. Нужно было что-то предпринять.

— Отпусти парня, бери все, что хочешь и проваливай. Я человек посторонний и ловить тебя не собираюсь. Я отвечаю за мальчишку — и только. Мне за это платят. — как можно убедительней врала я.

Какая я, к чертям, посторонняя, если готова голыми руками придушить эту стерву, только бы она отпустила Илью. О ее уходе, конечно же, не могло быть и речи. Трупом лягу, а уйти не дам, только вот парнишку надо обезопасить. Я пристально посмотрела Анне в глаза и продолжила вдохновенно врать.

— Олег уехал ненадолго. Через двадцать минут он уже вернется. — скосила я глаза в сторону настенных часов.

Анна посмотрела туда же, а я в это время сделала крохотный шагок в ее направлении. Женщина перехватила Илью сгибом правой руки за шею, а левой попыталась дотянуться до пакета с документами. Это ей не удалось и она повернула голову, чтобы определить, где же там пакет. Илья затравленно смотрел на меня. Я наглядно клацнула зубами, чтобы показать Илье, что он должен сделать. В его глазах появилось осмысленное выражение и в следующую секунду, изловчившись, как маленький волчонок, он укусил руку, сжимавшую его.

Анна взвыла и машинально схватилась за укус, отпустив парня. Опомнившись, она дернулась за ним следом, но Илья уже проворно спрятался за моей спиной.

— Стой, где стоишь!! — диким голосом заорала я на чистом энтузиазме, но это почему-то сработало. — Анна замерла на месте, нянчая укушенную руку и кривясь от боли.

— Илья? — нацупала я мальчика сзади себя, не отводя глаз от Анны. — Ты знаешь кого-нибудь из соседей?

— Да, дядю Васю. Он живет напротив. — дрожащим голосом ответил парень.

— Дуй к нему и позови сюда на помощь. Понял?

Илья уже отошел от меня, когда Анна зло и громко, чтобы слышал мальчик, сказала.

— Этот недоносок еще не умеет открывать сложный замок на двери. — и уже с издевкой мне. — Что дальше будем делать?

Я услышала, что Илья остановился и тоже громко сказала.

— А я не заперла дверь, когда пришла. Иди, Илья, ты справишься!

Мальчик затопал по коридору, а мы с ненавистью уставились друг на друга. В этот момент каждая из нас оценивала свои шансы на победу. Не знаю, что там себе думала Анна, а я была полна решимости продержаться хотя бы до прихода дяди Васи. Ждать пришлось не долго, послышались мощные шаги, сопровождаемые торопливым постукиванием тапочек Ильи, и рядом со мной выросла мощная фигура борца-тяжеловеса на пенсии. Дядя Вася был хорош! Вид, как на заказ, сообразно случаю — устрашающий. Нам с Ильей очень повезло, что сосед оказался в это время дома.

— Анна? — удивился он, очевидно не понимая, кому же из нас требуется помощь.

Я, лишая Анну возможности запутать здоровяка, сказала, не поворачивая головы.

— Дядя Вася! В прихожей есть телефон, наберите номер (я протянула ему бумажку, которую дал мне Олег). Вам ответит хозяин этой квартиры. Скажите ему, что здесь Анна. Он поймет. Это очень важно.

Здоровяк посопел, повертел в руках бумагу, но отправился к телефону. Через некоторое время я услышала как он сказал.

— Олег Константинович? Это Василий Дмитриевич, ваш сосед. Тут вот просили передать, что Анна сейчас у вас дома. Что сделать? Ага, ладно.

Дядя Вася положил трубку и снова появился возле меня.

— Сказал, чтобы Анну ни в коем случае не отпускали, он сам сейчас приедет. — отрапортовал мне Василий Дмитриевич.

— Спасибо вам большое. — расслабилась я и притянула к себе Илью, выпустив из поля зрения Анну.

Видимо, она все это время ждала такого подходящего момента, потому что со звериным рыком кинулась вперед, оттолкнув нас с Ильей, и почти уже проскочила мимо остолбеневшего от удивления тяжеловеса. Но дядя Вася в последний момент ловко ухватил женщину за руку и небольшим усилием мышц снова втолкнул ее в комнату. Но не тут-то

было. Силач не знал, что Анна сейчас защищает свою жизнь и терять ей практически нечего. Разъяренная женщина снова кинулась в атаку, метя пальцами прямо в глаза соседа. Если бы на его месте была я, то мне было бы очень даже плохо. Сосед же, поняв наконец ситуацию, провел красивый прием захвата и ради общего спокойствия легонько опустил свой мощный кулак на голову Анны. Ее тело сразу обмякло и было аккуратно перенесено на диван.

— Шустрая больно. — прокомментировал дядя Вася свои действия.

Я смотрела на бесчувственную Анну и мне в голову пришла забавная мысль, что удар по голове послужил отличным обезболивающим средством для ее укушенной руки.

— Сколько же она пробудет в беспомощности. — поинтересовалась я.

— Минут десять. — с сомнением посмотрел на женщину дядя Вася. — А может и больше. — перевел он взгляд на свой кулак.

Я села в кресло и притянула к себе Илью. Мальчик прижался ко мне и затих, понимая, наверное, что это взрослые дела. Прошло десять минут, а Анна все еще отдыхала, зато мы услышали как ударились о стену распахнутая дверь квартиры и тут же увидели востроенного Олега. С одного взгляда поняв, что мы с Ильей целы и невредимы, он схватился рукой за сердце и привалился к стене, переводя дыхание.

— Без лифта бежал на шестой этаж? — спросила я Олега, вставая с кресла и подводя Илью к отцу.

Олег прижал к себе сына, а мне только молча кивнул. Немного отдышавшись, он сказал, что по пути уже вызвал милицию. Почти сразу от входной двери послышался голос.

— Есть кто дома?

— Да! Проходите в комнату! — крикнул Олег и в дверях показался молодой лейтенант милиции.

— Кто тут Голованов Олег Константинович?

— Я. — кивнул Олег.

— Это вы звонили по поводу разыскиваемой Мироновой Анны Антоновны? — спросил страж порядка и сурово посмотрел на меня.

— Да. — кивнул Олег и показал рукой на диван. — Вот она.

Милиционер тут же потерял ко мне интерес и подошел поближе к дивану.

— А что с ней? — настороженно спросил он, рассматривая Анну.

— Не знаю, я сам только что вошел. — пожал плечами Олег.

Дядя Вася смущенно откашлялся.

— Как тигрица, ей Богу, кидается глаза царапать. Пришлось успокоить. Ну не рассчитал немного, уж не обессудьте.

— Что ж ее теперь волоком тащить, что ли? — растерялся лейтенант. — Надо в чувство привести как-нибудь.

— Это пожалуйста. — отозвался дядя Вася.

Мы ахнуть не успели, как он надавал Анне довольно чувствительных пощечин. Она застонала, открыла глаза и бессмысленно уставилась в потолок.

— Это всегда помогает. Удовлетворенно сказал Василий Дмитриевич и ушел домой, предварительно тепло со всеми распрощавшись.

Лейтенант вызвал подмогу, Анне надели наручники и увели, заверив нас, что теперь-то она уже никуда не денется. У оглушенной Анны не хватило сил даже на ненавидящий взгляд в наш адрес. Так и остались мы обделенные ее вниманием.

— Что это? — показал Олег на пакет с документами, до которого так и не дотянулась

Анна.

— Видимо, уехать хотела, документы понадобились. — сделала я предположение.

— А, теперь уже наплевать. Передам в милицию при случае. — отмахнулся Олег. — Надеюсь, что из-за нее наш ужин не отменяется?

Мы дружно замотали головами.

Похороны Натальи и Клавдии Васильевны прошли более, чем скромно. О смерти жены Олег никого специально не оповещал, а няня итак была одинока. Наверное поэтому она и привязалась к неласковой Наталье, ведь человеку необходимо кого-то любить. На кладбище приехали две Натальины приятельницы, каким-то образом узнавшие о случившемся. Олег, проявляя уважение к памяти покойной, сказал над могилой несколько слов, хотя покойная, по моему глубокому убеждению уважения была не достойна. Но смерть многое сглаживает. Если сравнивать Наталью и Анну, то первую, может быть и стоило пожалеть. Были родители Олега. Они пока не знали никаких подробностей и потому искренне оплакивали невестку. Мама Олега, вытирая платочком слезы, вдруг сказала.

— Течение жизни больше ощущается не по приобретениям, а по потерям.

Эти слова надолго запали мне в душу.

Весь остаток лета мы прожили за городом. Я не помню, когда еще так здорово отдыхала. Мы жили, как настоящая семья. Олег уезжал на работу, вечером возвращался и у нас был ужин втроем. Один раз ему пришлось уехать в короткую командировку, и мы с Ильей проводили время вместе, поджидая возвращения Олега. Слава Богу, никто из обитателей дома не изъявил желания оставить свою работу. По-моему, они все наоборот повеселели. Не было строгой Клавдии Васильевны и надменных сестричек. Правда дисциплина несколько упала, но не существенно. Трудоголик дядя Павел даже развил бурную деятельность по разбивке большого цветника перед домом, делая приготовления на будущую весну.

Неожиданным, но желанным сюрпризом стал для меня один из вечеров, когда Олег прислал за нами из города Николашу с машиной и привел нас с Ильей в дорогой ресторан. Там он сделал мне предложение по всем правилам, надев на палец обручальное кольцо — тонкий золотой ободок с небольшим бриллиантом в центре.

Реакция Ильи на это была просто восхитительной. Он бурно расцеловал нас по очереди и во время всего вечера не сводил глаз с кольца, а иногда даже дотрагивался до него пальцем. Понимал, наверное, что этот скромный символ обручения дорогого стоит. Я была благодарна Илье за радость, которую он испытывал.

Свадьбу назначили на конец октября. Нужно было многое успеть — еще предстояли хлопоты в связи с моим увольнением с работы, потому что Олег предложил мне заниматься сыном и хозяйством, на что я с удовольствием согласилась. К этому времени мы так крепко подружились с Ильей, что были уверены — нам будет хорошо вместе. Я же очень хотела дать мальчику то, что не успела дать родная мать и не пожелала дать Наталья.

До начала учебы в школе оставалась всего неделя и пора было подумать о переезде в город. Ольга потихоньку готовила комнаты к зиме и как-то пришла с вопросом — что делать с вещами Натальи, Клавдии Васильевны и Анны. Олег сказал, что все эти вещи Ольга может раздать или забрать себе, кроме документов и украшений. Я его понимала — зачем и кому нужны в доме все эти халаты, платья и белье? Пусть кто-нибудь пользуется ими в свое удовольствие.

Ольга довольно быстро справилась с заданием и освободила дом от ненужных вещей.

Девушка проявила инициативу и сложила все, что осталось от живших здесь когда-то женщин в три коробки, которые принесла в комнату Олега.

Я знала, что Олег периодически интересуется ходом следствия по делу Анны, но решила не спрашивать его ни о чем, пока он сам не сочтет нужным мне все рассказать. А если так и не расскажет, то я не обижусь. Тем более, что мне самой не очень-то хотелось ворошить всю эту грязь. И еще, Олег как-то обмолвился, что Наталья пострадала практически на за что, благодаря лишь подозрениям Клавдии. Основная же виновница — это Анна, с ее намерениями отравить его и сына и попыткой убить соседа.

Я была немного другого мнения. Анна, безусловно, являлась главной злодейкой, но Наталья вызывала во мне ничуть не менее отрицательные чувства. Невинной же жертвой была, как мне виделось, Клавдия Васильевна.

О судьбе Анны я узнала, благодаря тем трем коробкам, которые Ольга поставила в комнату Олега. Как-то вечером он в моем присутствии решил разобрать одну из них и это оказалась как раз коробка с вещами Анны. Видимо, под воздействием воспоминаний, он рассказал мне, что Анна на следствии во всем призналась, при этом вела себя высокомерно и с явной примесью жертвенности. Однако, в содеянном совершенно не раскаивалась. Сейчас она ждала суда, куда Олега вполне могли вызвать в качестве свидетеля.

Разобрав коробки Анны и Клавдии Васильевны, Олег предложил пойти ужинать. Когда ужин закончился, он сказал, что пойдет в свою комнату и я поняла, что Олег хотел разобрать коробку с вещами Натальи без свидетелей. Ничего удивительного — восемь лет совместной жизни, пусть даже такой несложившейся как у Олега с Натальей, все равно давали право на переживания. Я не собиралась ему мешать.

Мы с Ильей посмотрели телевизор и мальчик засобирался спать. Взглянув на часы, я подумала, что Олег уж очень задерживается в своей комнате. Пожелав Илье доброй ночи, я задумалась, стоит ли сходить за Олегом. Не будет ли это нетактично? Вдруг в холле появился сам Олег и по его виду я поняла, что не все неприятности остались позади. Олег был чем-то очень расстроен. В руках он держал небольшой ежедневник. Подойдя ко мне, он протянул мне блокнот.

— Прочти, пожалуйста, потом обсудим. — и устало опустился в кресло.

Я села в соседнее и открыла первую страницу. На ней была сделана надпись красивыми крупными буквами — ДНЕВНИК. Я не знала почерк Натальи, но ничуть не сомневалась, что ежедневник принадлежал именно ей. Записи начинались с января этого года и не носили характер ежедневного подведения итогов прошедшего дня. Временной разрыв между записями иногда составлял несколько недель, но по стилю чувствовалось, что делались они на душевном подъеме и всегда под настроение. Мне понадобилось сорок минут, чтобы прочесть дневник, а Олег все это время сидел, откинувшись в кресле и созерцая потолок. Было от чего закатывать глаза, скажу я вам.

Упуская лирические отступления и несущественные детали, приведу самые захватывающие отрывки.

10 января.

«Наконец-то этот гаденыш отправился в школу. Ненавижу! Особенно, когда у него каникулы. Дети — гадость и я не устану это повторять. Олег — полный придурок, но хорошо уже то, что он никогда не заговаривал со мной об общем ребенке. Хотя, иногда разбирает

любопытство — почему не заговаривал? Не хотел второго ребенка в принципе или не хотел именно от меня? Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что два года назад я сделала от него аборт? Судя по его характеру, распустил бы сопли и обвинил меня в убийстве его ребенка. Конечно, до меня-то ему не было бы никакого дела. Это не он, а я корчилась на идиотском гинекологическом кресле, когда тупая врачиха выцарапывала из меня его отродье. Кстати, это была девочка. Интересно, хотел бы Олег девочку? Ладно, плевать на него! Он за все заплатит, как только я придумаю способ».

8 марта.

«Ненавижу этот праздник! Что могут знать о женщинах тупые мужики? Просто противно смотреть, как они раз в году скупают в магазинах все залежавшееся барахло, чтобы откупиться от своих благоверных. Только женщина может понять и почувствовать другую женщину. Вот, например, Клава, хоть и глупая курица, но сообразила подарить мне дивные сиреневые тапочки с пушистыми помпонами. Но самый чудесный подарок преподнесла мне Анна. Я была слепа, когда раньше подсмеивалась над ее грубоватостью и мужскими повадками. Сейчас жалею только о том, что она не пришла в мою спальню еще несколько лет назад. Хотя, всему свое время — тогда еще Олег удовлетворял меня и я могла не понять всю прелесть отношений с Анной. Страшно подумать — я могла ее оттолкнуть! Клянусь, ни один мужчина не способен так удовлетворить женщину, как это делает Анна. Теперь я лесбиянка и ничуть не стыжусь этого, хотя, афишировать тоже не собираюсь».

20 апреля.

«Мы покупаем загородный дом. Жаль, что не получилось оформить его на меня — Олег мог насторожиться. Но это не так уж и важно. Мой план практически созрел, а с весны я приступаю к его реализации. Неужели я скоро избавлюсь от этого противного ребенка и надоевшего муженька? Олег мне мешает. Он мешает нам с Анной. Нет, вы подумайте, это меня все считают равнодушной! Мы с Олегом живем в одной квартире, каждый день встречаемся за ужином и давно не спим в одной постели, а он даже и не догадывается, что мы с Анной — любовники. Разве это не равнодушие? Ничего, скоро я избавлю нас от его присутствия. Нужно только потерпеть».

10 мая.

«Только что вернулись из нашего нового дома за городом. Он чудесный! А какая архитектура — одни только коридоры чего стоят! Олег сказал, что контролировать ремонтные работы буду я, ему, видите ли, некогда. Ну что ж, я проконтролирую. Кое-какие дополнения к интерьеру его комнаты я уже придумала. Да! Там на участке обнаружился такой замечательный подземный ход. Начинается во дворе у забора и выходит прямо к шоссе. Я прошла по нему — впечатляет! Особенно небольшая комнатка в боковой стене хода. Некогда было ее разглядывать, но мне понравилось. И дверца такая неприметная. В моем плане этой комнатке уже есть применение. Обустроить ее буду сама».

12 июня.

«Мы уже живем за городом. Я очень довольна. Идеальная возможность для приведение в исполнение моего плана по освобождению от неугодных. Чем я, собственно, дней десять уже занимаюсь. Это не основная часть плана, а некий отвлекающий маневр. Забавно наблюдать, как Анна таскается с баллоном и пускает газ в комнату Олега. Я никак не ожидала, что сестренка окажется такой глупой. Неужели не понятно, что газ не нанесет здоровью Олега существенного ущерба. Вот если бы напустить газа полную комнату, а потом бросить туда горящую спичку, тогда ... Но пусть Аня побалуется. Ей нравится мне служить. А мне нравится игра со светильником — это гораздо интереснее».

28 июня.

«Олег нанял для сына гувернантку, Очень хорошо — у меня теперь появится больше времени на подготовку к финальной части плана. Комнатка под землей уже готова. С каким удовольствием я ее обставляла. Пора подключать Клаву, чтобы не доставала меня потом своими проповедями. Замажу ее так, что всю оставшуюся жизнь ей придется вымаливать у Бога прощения за свои грехи, да и за мои тоже. Пусть подкладывает помаленьку крысиного яда Олегу в джем. Придет день, когда я самолично положу ему хорошую порцию и все — конец муженьку. А Клава пусть считает, что это она угробила Олега. Здорово я все придумала. Умница! А вот про мальчишку никому не скажу. Эта часть игры только для меня. До холодов он протянет, а потом — пусть поддыхает».

3 июля.

«Анна — идиотка! Зачем скинула старика соседа? Ладно все обошлось, а если бы родственники заявили в милицию? Хорошо, что недолго осталось и я сама вызову милицию, чтобы все видели, как я убиваюсь над трупом мужа и рыдаю о пропавшем ребенке. Меня беспокоит Клава. Яд она, конечно, подсыпает — куда денется от любимой Наташеньки. Но с каждым днем становится все мрачнее и мрачнее. Не переборщить бы, а то заложит меня со страха. Да, как только все произойдет надо будет с треском выгнать гувернантку — шустрая уж больно. Итак, через три дня я уже буду свободна!»

Я закончила читать, но еще какое-то время сидела, глядя на исписанные страницы. Шестого июля Наталья собиралась покончить с Олегом и Ильей, а получилось, что восьмого мы ее уже похоронили. День окончательной реализации своего плана она провела в морге, в качестве трупа. Она была права — Клавдия не выдержала, но несколько по-своему. А как вдохновенно няня врала в своей предсмертной записке. Теперь уже и не понять, какие грехи она замаливала, подползая в предсмертной агонии к воображаемому алтарю. Я закрыла дневник и посмотрела на Олега. Как же ему тяжело. Интересно, о чем он сейчас думает?

— Пошли, посмотрим, что это за комнатка под землей. — вдруг предложил он, отвечая тем самым на мой невысказанный вопрос.

Я тут же согласилась. Самой было интересно узнать, что там готовила коварная Наталья. Мы вооружились мощными фонарями и спустились друг за другом в дыру. Я светила направо, а Олег налево, чтобы не пропустить дверцу, о которой писала Наталья. Вход обнаружил Олег. Дверца действительно была почти незаметной, если не знать, что

искать. Он толкнул ее, и согнувшись пролез внутрь. Я последовала за ним. Мы начали медленно обводить фонарями комнату и нам предстала следующая картина.

В стену было вбито большое кольцо, с которого свисала цепь с ошейником. В углу лежал матрас, на нем подушка и шерстяное одеяло. Рядом стояло цинковое ведро с крышкой, наполненное водой. На полу лежала круглая деревяшка с кольцом. Я подняла ее и поняла, что углубление в полу, находящееся под ней, должно было служить своеобразным туалетом. Я просто оцепенела от ужасных картин, которые проносились перед моим мысленным взором. В это время дверь комнатухи распахнулась и появился Чиф. Это было так неожиданно, что я чуть не закричала. Вот ведь какой любопытный пес. Чиф начал принюхиваться и недовольно заворчал.

— Чувствует запах Натальи. — предположил Олег.

Я присела, притянула к себе большую голову Чифа и сказала.

— Это, дорогой, не для тебя тюрма. Это она подготовила для нашего Ильи. — а потом с чувством добавила. — Тварь, да и только!

Олег приблизился ко мне и неожиданно торжественно произнес.

С этой минуты в нашей семье никто не должен упоминать даже имени этой гадины. Согласна?

— Согласна! — ответила я, выпрямляясь, и с чувством плюнула на пол.

Я сумела перебороть свое желание надеть в день свадьбы фату. Это была моя мечта, но что поделаешь, если я встретила со своей судьбой несколько поздно. Зато украшения в причёске, сделанные из белоснежных цветов, бусинок и стекляруса, мог дать фору любой фате. Я выглядела великолепно даже в собственных глазах. Олег был одет в элегантный смокинг. Рядом стояла его уморительная копия — наш Илья. Он пожелал одеться как папа, вплоть до черной бабочки на вороте рубашки, и теперь вызывал умильные улыбки присутствующих.

Свидетелями на свадьбе были Анатолий и Танюша Морозовы. Да-да, их собственная свадьба состоялась полтора месяца назад и они уже даже успели вернуться из свадебного путешествия. Моя, теперь уже неабсолютная, тетка загорела и выглядела замечательно. От пресловутого вывиха не осталось и следа.

Кольцо, которое Олег надел мне на палец в ЗАГСе было уже не тонкое и не с маленьким бриллиантом. Свадебный ужин был заказан в самом красивом ресторане города. Оттуда, прямо из-за свадебного стола, мы с Олегом уезжали в Москву в двухместном купе фирменного поезда, чтобы в Шереметьево пересест на самолет, который унесет нас в Париж. Маршрут свадебного путешествия мы придумывали вместе с Ильей.

На перроне собрались все наши гости, хлопали пробки от шампанского и звучали прощальные тосты. Моя мама и мама Олега вытирали слезы. Илья тоже был в числе провожающих. Мы оставляли его на попечение бабушек и дедушек. Когда объявили отправление, он подбежал к нам и жестами попросил поклониться.

— Тетя Таня. — тихо сказал он, краснея от смущения. — Я понял, что родная мама у меня всегда будет только одна, вы сами мне это говорили, но можно вы мне будете двоюродной? Я стану называть вас мамой.

— Родной мой, ну конечно. Извини, что я сама тебе это не предложила, но согласись, такое решение должно быть только твоим. — сказала я, обнимая Илью и целуя его непослушные вихры.

Олег тоже поцеловал сына, а я присела перед мальчиком, чтобы быть с ним на одном

уровне.

— У меня встречное предложение. — сказала я, а Илья непонимающе заулыбался. — Мы с тобой переходим на «ты».

— На «ты»? — с сомнением переспросил он.

— Конечно. — вмешался Олег. — Ведь твоя сестренка, которая вскоре появится на свет, будет называть Таню на «ты».

В это время кто-то щелкнул фотоаппаратом, и теперь у нас в семейном альбоме есть фотография, которая нам всем очень дорога.

Больше книг на сайте - Knigoed.net